

Дик Фрэнсис

БУРНЫЙ
ФИНИШ

Иностранная литература. Классика детектива

Дик Фрэнсис
Бурный финиш

«Азбука-Аттикус»

1966

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Бурный финиш / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус»,
1966 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-20937-4

Дик Фрэнсис (1920–2010) – один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек – Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все это и послужило материалом для увлекательного романа 1960-х годов «Бурный финиш» который стал бестселлером во многих странах мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20937-4

© Фрэнсис Д., 1966
© Азбука-Аттикус, 1966

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дик Фрэнсис Бурный финиш

FLYING FINISH

Copyright © 1966 by Dick Francis

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Сергея Белова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

БОЛЬШИЕ

И А

КНИГИ

Серия «Иностранная литература. Большие книги»

© С. Б. Белов (наследник), перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

– Ты противный, избалованный сукин сын, – бросила мне сестра, и ее слова отправили меня в путь, который чудом не стоил мне жизни.

Я вспомнил ее свирепое и некрасивое лицо и по дороге на станцию, и в вагоне, полном недорешенных кроссвордов и типичного понедельничного уныния, и когда ехал по Лондону в свой горячо любимый офис.

Кем-кем, а сукиным сыном я не был – епископ сочетал браком моих родителей в церкви в присутствии аристократической родни. Ну а что касается избалованности, тут уж они сами были виноваты – это было их подарком наследнику, родившемуся, так сказать, в самый последний момент. До этого в нашей семье рождались только дочери – целых пять. Мой дряхлый, восьмидесятишестилетний, впавший в детство отец рассматривал меня исключительно как орудие, с помощью которого ненавидимого им моего кузена можно было лишиться надежд на титул графа. Для отца я был символом, который он холил и лелеял.

Когда я появился на свет, моей матери было сорок семь, а теперь семьдесят три. Ее мозг явно перестал развиваться в День перемирия в 1918 году. С тех пор как я ее помню, она была совершенно безумной, или эксцентричной, как выражались те, кто ей симпатизировал. Так или иначе, первое, что я успел усвоить, – возраст и ум не имеют между собой ничего общего.

Уже слишком немолодые, чтобы возиться с ребенком, они держали меня на дистанции – няньки, гувернантки, интернат, Итон – и, говорят, очень сетовали на непомерно долгие школьные каникулы.

В наших отношениях присутствовали учтивость и чувство долга, но любви не было и в помине. Они не требовали, чтобы я их любил, и я их не любил. Я вообще никого не любил. У меня не было такой привычки.

Как всегда, в офис я пришел первым. Я взял ключ у дежурного, неспешно прошел по длинному вестибюлю, в котором гулко раздавались мои шаги, потом поднялся по каменной лестнице, потом прошел по узкому длинному коридору. В самом конце его была тяжелая коричневая дверь, которую я отпер ключом. Внутри, как это принято в лондонских тесных конторах, мрачную атмосферу заглушал комфорт. «Агентство „Старая Англия“. Торговля лошадьми чистокровных пород». В кабинетах справа и слева ковры, стены покрашены в белый цвет, на дверях аккуратные таблички, где черным по белому выведены фамилии хозяев. Письменные столы отличались роскошью, а именно: были обиты кожей, на стенах эстампы. Я еще не достиг тех степеней успеха, чтобы сидеть в подобных кабинетах.

Комната, в которой я работал вот уже шесть лет, находилась в самом конце, за справочной и буфетной. Дверь была полуоткрыта. На ней табличка – ТРАНСПОРТНЫЙ ОТДЕЛ. Три стола. С пятницы никаких изменений. Стол Кристофера завален кипой бумаг. На столе Мэгги пишущая машинка с кое-как надетым чехлом. Рядом несколько скомканных листов копирки. В вазе увядшие хризантемы, а в грязной чашке опавшие с них белые лепестки. На моем столе было чисто и пусто.

Я вошел, повесил пальто, сел за стол, открыл один за другим ящики и без особой цели стал поправлять и без того аккуратно уложенное содержимое.

Удостоверившись, что по моим всегда точным часам без восьми минут девять, я сделал вывод: часы на стене отстают на две минуты. После этого я уставился невидящим взглядом на календарь на зеленой стене.

«Противный, избалованный сукин сын», – сказала мне сестра...

Нет, это не так. Характер у меня вовсе не противный, настойчиво внушал я себе. Ни в коем случае.

Но в моих размышлениях не было убежденности. Я решил порвать с традицией и воздержаться от замечаний в адрес Мэгги насчет ее неряшливости.

В десять минут десятого появились и Кристофер, и Мэгги. Вместе и с хохотом.

– Привет, – сказал жизнерадостно Кристофер, вешая свое пальто. – Ну что, проиграл в воскресенье?

– Проиграл, – признал я.

– Повезет в другой раз, – сказала Мэгги, сдувая белые лепестки хризантем из чашки на пол.

Я прикусил язык, чтобы не отпустить какую-нибудь колкость. Мэгги взяла вазу и пошла с ней в буфетную, усыпая путь лепестками. Потом она вернулась и пронесла вазу над моим столом так, что на нем оказался след из капель. Не говоря худого слова, я взял промокательную бумагу, вытер потеки и, скомкав бумагу, швырнул ее в корзину. Кристофер наблюдал за происходящим с ироническим удовольствием, глаза его весело поблескивали за толстыми стеклами очков.

– И проиграл-то всего голову, да? – осведомился он, беря в руки мяч для крикета и делая вид, что швыряет его в окно.

– Всего голову, – согласился я. – В конце концов, не все ли равно, сколько проиграл, голову или десять корпусов. Проигравший не получает призов.

– Мой дядя поставил на тебя пятерку, – сообщил Крис.

– Мне очень жаль, – сухо отозвался я.

Кристофер развернулся на одной ноге и бросил мяч – он с грохотом врезался в стену и отскочил, оставив на ней отметку. Заметив, что я нахмурился, Крис расхохотался. К нам он пришел два месяца назад из Кембриджа. Из-за ухудшения зрения он вынужден был расстаться с крикетом, к тому же он завалил выпускные экзамены. Впрочем, он был куда жизнерадостней, чем я, не испытывавший подобных ударов судьбы. Мы терпели друг друга, не более того. Я с большим трудом сходился с людьми, и с Крисом тоже дружбы не вышло – он поначалу старался установить дружеские отношения, но вскоре понял, что это пустая затея.

Вернувшись из буфетной, Мэгги уселась за стол, вынула из верхнего ящика пузырек лака для ногтей и начала накладывать серебристо-розовый лак. Это была крупная, уверенная в себе девица из Сурбитона, весьма злая на язык, но всегда готовая проявить сочувствие, когда шипы злоязычия окончательно вонзались в душу собеседника.

Крикетный мяч выскользнул из руки Кристофера и покатился по столу Мэгги. Пытаясь его ухватить, Кристофер сбросил на пол грудку писем, а мяч опрокинул пузырек с лаком, и по строкам «Мы получили ваше письмо от 14-го числа» покатались розовые капли.

– Черт! – в сердцах воскликнул Кристофер.

В комнату вошел старик Купер, ведавший страховыми делами. Увидев разгром, он изобразил на лице неудовольствие, зажал пальцами ноздри и протянул мне бумаги, которые принес:

– Твой голубок, Генри. Приготовь как можно скорее к полету.

– Хорошо.

Уже уходя, он обернулся к Мэгги и Кристоферу и сказал, стараясь посильнее их задеть:

– Почему вы оба не можете работать так же хорошо, как Генри? Он никогда не опаздывает, у него во всем полный порядок, работу он делает как следует и вовремя. Вам бы надо брать с него пример.

Я внутренне поморщился и стал ждать ответных действий Мэгги. В понедельник с утра она бывала в отменной форме.

– Ни за что и никогда, – возразила она. – Генри – чопорное, скучное, бесполое существо. Он вообще, похоже, неодушевленный предмет.

Ну и денек сегодня!

– Но он выступает в скачках, – мягко возразил Кристофер.

– Если он упадет с лошади и сломает обе ноги, его будет волновать только одно: правильно ли ему наложили швы.

– Гипс, – поправил я.

– Что?

– При переломах накладывают гипс.

– Кто знает, кто знает, – рассмеялся Кристофер. – В тихом омуте под названием Генри могут вполне водиться черти.

– Это не тихий омут, а старый пруд, – буркнула Мэгги.

– Грязный и вонючий? – подсказал я.

– Нет... О господи... Извини меня, Генри, я не хотела...

– Все в порядке, – отозвался я. – Все в полном порядке.

Я поглядел на бумаги, что принес мне Купер, и взялся за телефон.

– Генри, – с отчаянием в голосе сказала Мэгги, – я правда не хотела...

Старик Купер укоризненно поцокал языком и удалился своей шаркающей походкой. Кристофер стал раскладывать свои отлакированные письма.

Я позвонил Саймону Серлу в транспортное агентство Ярдмана и сказал:

– Четыре годовалых жеребенка с аукциона в Ньюмаркете должны быть как можно скорее отправлены в Буэнос-Айрес.

– Может получиться задержка, – сказал Саймон.

– Почему?

– Мы потеряли Питерса.

– Большая небрежность с вашей стороны.

– Ха-ха-ха!

– Он вас бросил?

– Похоже, – сказал Саймон, поколебавшись.

– Как это понимать?

– Он не вернулся из последней поездки. В прошлый понедельник он не прилетел тем рейсом, на который у него был билет. С тех пор о нем ни слуху ни духу.

– Может, он попал в больницу? – предположил я.

– Проверяли. И больницы, и морги, и тюрьмы. Он как в воду канул. Поскольку за ним не числится никаких правонарушений, полиция отнеслась к этому совершенно прохладно. Они говорят, что нет преступления, если человек уволился с работы без предупреждения. По их мнению, он вполне мог влюбиться и не захотеть вернуться.

– Он женат?

– Нет, – вздохнул Саймон. – Ладно, я займусь твоими годовичками, но боюсь, что даже приблизительно не могу сказать, когда их отправим.

– Саймон, – сказал я, – а разве нечто подобное не случалось раньше?

– Ты имеешь в виду Балларда?

– Да, он же был ваш агент и тоже пропал.

– Да вроде бы...

– Остался в Италии? – мягко напомнил я.

На другом конце провода возникло молчание, потом я услышал:

– М-да. Как странно. Я об этом подумал... Занятное совпадение. Ладно, я займусь твоими годовичками, – еще раз повторил он. – Я тебе позвоню.

– Если вы не можете, я обращусь к Кларксону.

– Сделаю что смогу, – вздохнул Саймон. – Завтра позвоню.

Я положил трубку и взялся за кипу таможенных деклараций. Время побежало, приближался час ланча. За все утро мы с Мэгги не обменялись ни единым словом, а Кристофер то

и дело ругался себе под нос, работая над письмами. Когда наступил час дня, я рванул к двери так, что обогнал даже Мэгги.

Улица была залита декабрьским солнцем. Вдруг, сам не зная зачем, я вскочил в автобус, вышел у Мраморной арки и медленно пошел через Гайд-парк к Серпантину. Я долго сидел там на лавочке и смотрел на солнечные блики на воде. Затем взглянул на часы и обнаружил, что уже два. Наступила половина третьего, но я по-прежнему сидел и смотрел на воду. Без четверти три ко мне обратился сторож и попросил не кидать камни в воду.

«Противный, избалованный сукин сын». Было бы нормально, если бы сестра говорила такие вещи постоянно, но Алиса была тихим, безвредным существом. В детстве ей мыли рот мылом, если она употребляла бранные слова, и с той поры у нее не возникало желание ругаться. Это была самая младшая из моих сестер, на пятнадцать лет старше меня. Некрасивая, незамужняя, средних интеллектуальных способностей. Поменявшись ролями с родителями, она управляла домом и ими. Да и мной тоже. Причем уже давно. Я был скрытный тихий пай-мальчик, выросший в скрытного мужчину. Я был почти патологически аккуратным, всегда приходил раньше на встречи и в манерах, почерке и сексе проявлял неукоснительную сдержанность. «Чопорное, скучное, бесполое существо». Мэгги права... Но это внешнее впечатление. То, что внутренне я уже давно был совсем другим, сбивало меня с толку и не давало покоя все больше и больше...

Я взглянул на голубое с золотыми разводами небо и подумал с тайной усмешкой, что только там я чувствую себя человеком. И еще когда участвую в стипль-чезах. Да, пожалуй, так.

Алиса ждала меня, как всегда, за завтраком. Лицо ее посвежело от ранней прогулки с собаками. Я почти не видел ее во время уик-энда. В субботу у меня были скачки, а в воскресенье я уехал до завтрака и вернулся поздно.

– Где ты вчера пропадал? – спросила Алиса, наливая кофе.

Я промолчал. Она, впрочем, успела привыкнуть к таким ответам.

– Мама хотела с тобой поговорить.

– О чем?

– Она пригласила Филлихоев на ланч на следующее воскресенье.

Аккуратно поедая яичницу с беконом, я невозмутимо заметил:

– Значит, эта робкая, прыщавая Андже́ла? Пустая трата времени. Меня и дома-то не будет.

– Андже́ла получит в наследство половину миллиона, – совершенно серьезно заметила сестра.

– А у нас плохо с крышей.

– Мама хочет, чтобы ты женился.

– На богачке.

Сестра признала, что это так, хотя и не понимала, что в этом плохого. Финансовое положение нашей фамилии ухудшалось, и родители полагали, что обменять титул на денежный мешок – неплохая сделка. Родители не понимали, что в наши дни богатые невесты слишком хорошо разбираются в жизни, чтобы взять и запросто так отдать свое наследство молодому супругу в его полное распоряжение.

– Мама сказала Андже́ле, что ты будешь.

– Очень глупо с ее стороны.

– Генри!

– Мне не нравится Андже́ла, – холодно сообщил я. – И я не собираюсь быть здесь в воскресенье. Неужели вам не понятно?

– Генри, но неужели ты бросишь меня одну? Как мне с ними себя вести?

– Тебе следует удерживать мать от таких глупых приглашений. Анджела – уже сотая уродливая наследница, которую она приглашает к нам в дом в этом году.

– Но это нужно нам всем.

– Только не мне, – сухо возразил я. – Я не проститутка.

Сестра обиделась и встала.

– Какой ты злой, – сказала она.

– И раз уж об этом зашла речь, – сказал я, – я желаю жучкам приятного аппетита. Пусть съедят всю нашу крышу. Этот чертов дом поглощает уйму денег, и, если он рухнет, все мы вздохнем с облегчением.

– Это наш дом, – сказала сестра в виде последнего довода.

Если бы дом принадлежал мне, я бы тотчас же его продал, подумал я, но промолчал. Неверно истолковав мое молчание, сестра попросила:

– Генри, пожалуйста, будь на ланче с Филлихоями.

– Нет, – решительно сказал я. – В воскресенье у меня найдутся дела поважнее. Можете на меня не рассчитывать.

Внезапно сестра вышла из себя. Трясаясь от гнева, она закричала:

– У меня больше нет сил выносить твое аутическое поведение. Ты противный, избалованный сукин сын!

Неужели это так, размышлял я, сидя возле Серпантина. И если это так, то почему?

В три часа, когда заметно похолодало, я встал и пошел из парка. Но направился я не на Ганновер-сквер, в элегантный офис моей фирмы. Пусть недоумевают, решил я, почему всегда пунктуальный Генри не вернулся после ланча. Вместо этого я взял такси и поехал к старому, захламленному причалу. Когда я расплатился и вылез из машины, мне в нос ударил запах ила – на Темзе был отлив.

На этом причале вскоре после войны было наспех построено приземистое бетонное здание, которое кое-как поддерживалось все эти годы. Его стены были в ржавых потеках от прохудившихся водосточных труб. Их давно бы следовало покрасить. Прямоугольные окна с металлическими рамами были покрыты слоем сажи и копоти, а медные ручки на дверях не чистили с моего последнего визита полгода назад. Здесь не было необходимости прихорашиваться перед клиентами. Клиентов тут никто не ждал.

Я поднялся по голым каменным ступенькам лестницы, прошел через покрытую линолеумом площадку второго этажа и вошел в распахнутую дверь кабинета Саймона Серла. Он оторвался от блокнота, в котором что-то сосредоточенно рисовал, встал и двинулся мне навстречу. Он приветствовал меня крепким рукопожатием и широкой улыбкой.

Поскольку только он здоровался со мной столь радушно, с ним я бывал приветливей, чем с кем-либо еще. Впрочем, встречались мы редко, и то лишь по делу, и еще иногда заходили на обратном пути в пивную, где он предавался алкогольным возлияниям и дружеским излияниям, а я ограничивался порцией виски и больше помалкивал.

– Неужели ты приехал сюда специально из-за этих лошадей? – удивился он. – Я же тебе говорил...

– Нет, – перебил я его. – Я хотел узнать, не найдется ли у Ярдмана работа.

– Для кого?

– Для меня.

– Ну и ну, – только и сказал Саймон, присаживаясь на край стола и заполняя чуть не все его пространство своей массой. Это был крупный бесформенный человек тридцати пяти – сорока пяти лет, лысевший с макушки. Он отличался некоторой богемностью в одежде и широтой воззрений.

– Но господи, с чего это ты? – вопрошал Саймон, удивленно уставясь на меня.

Мы представляли собой весьма разительный контраст: я в строгом черном шерстяном костюме, он в мешковатом вельветовом зеленом пиджаке.

– Хочется перемен.

– К худшему? – ухмыльнулся Саймон.

– Хочется немного повидать мир, попутешествовать.

– Хорошая идея, но неужели ты не можешь делать это с комфортом, а не сопровождая лошадей?

Как и большинство окружающих, он не сомневался, что у меня водились деньги. Но как раз денег у меня не было. Мои доходы почти целиком определялись зарплатой от «Англии», и совсем крохи приносила мне деятельность жокея-любителя – почти дилетанта. От отца я получал только стол и изъеденную жучками крышу над головой.

– Пожалуй, я не прочь попутешествовать в компании с лошадами, – равнодушно отозвался я. – Ну и какие у меня шансы?

– Огромные, – усмехнулся Саймон. – Только попроси. Старик ни за что не посмеет тебе отказать.

Но Ярдман чуть было не отказал мне. Он никак не мог взять в толк, что я его не разыгрываю.

– Мой дорогой мальчик, подумайте хорошенько, прошу вас, – говорил он мне. – Стоит ли покидать такое прекрасное место, как агентство «Старая Англия»? Как бы вы ни старались, работа в нашей конторе не принесет вам ни власти, ни престижа... Давайте честно глядеть фактам в лицо.

– По правде говоря, ни власть, ни престиж меня не очень-то волнуют...

– Так говорят люди, которые получают их по наследству, – вздохнул Ярдман. – Нам же, простым смертным, трудно заставить себя презирать их.

– Я не презираю. Просто они меня не интересуют. По крайней мере, пока...

Ярдман стал медленно раскуривать темную сигару. Я внимательно следил за ним, пытаюсь понять, что у него на уме. Поскольку он был из другого теста, чем начальство «Старой Англии», я не очень хорошо представлял себе, как он устроен. Мне приходилось иметь дело с людьми примерно из того же социального слоя, что и я сам, которые не любили изъясняться открытым текстом. Ярдман же был для меня неизведанной территорией.

Он держался покровительственно-отечески, что довольно необычно для худого человека. На крепком орлином носу сидели очки в черной оправе. У него были впалые щеки, и казалось, ему приходится растягивать губы, чтобы закрывать зубы и десны. Уголки рта загибались книзу, что придавало ему то недовольное, то печальное выражение. Кожа имела нездоровый цвет, но голос и пальцы были крепкими, а как потом выяснилось, характер тоже.

Ярдман медленно затягивался сигарой – длинной, тонкой, с крепким запахом. Глаза за стеклами очков медленно меня изучали. Я понятия не имел, что он при этом думает.

– Ладно, – наконец сказал Ярдман. – Возьму вас, будете помогать Серлу, а там видно будет.

– Спасибо, – отозвался я, – хотя, признаться, меня интересовала больше работа Питерса.

– Питерса? – Он буквально разинул рот, обнажив нижний ряд искусственных зубов. Потом рот закрылся чуть не со щелчком. – Нет, не валяйте дурака. При чем тут работа Питерса?

– Серл говорит, он от вас ушел.

– Может, так оно и есть, но это не меняет дела.

– Я проработал пять лет в транспортной службе «Старой Англии», – спокойно отозвался я, – поэтому я хорошо знаком со всеми техническими деталями.

Кроме того, я всю жизнь езжу на лошадях и знаю, как за ними ухаживать. Может быть, у меня и правда плоховато с практикой, но я, вообще-то, быстро учусь.

– Лорд Грей, – сказал Ярдман, качая головой, – вы просто не представляете, что за работу выполняет Питерс.

– Прекрасно представляю, – возразил я. – Он летал на самолетах, сопровождал лошадей. Его обязанностью было следить, чтобы в пути с ними ничего не случилось и они попадали к кому положено, чтобы они нормально проходили через таможи в пункте отправления и пункте назначения. Кроме того, в его обязанности входило забирать лошадей обратно. Это вполне ответственная работа, она связана с постоянными разъездами, и я совершенно серьезно претендую на место Питерса.

– Вы не понимаете, – возразил он, – что Питерс был просто старшим конюхом, который ездил в заграничные командировки.

– Мне это известно.

Он продолжал курить, выпуская клубы дыма. Один, другой, третий. Я невозмутимо ждал.

– У вас с вашей фирмой... все в порядке?

– Вполне. Просто мне надоела бумажная работа. Причем надоела с самого первого дня.

– А как насчет ваших выступлений на скачках?

– В моем распоряжении были субботы. Кроме того, я разбивал свой трехнедельный отпуск. Они с пониманием относились к этому, и я всегда мог получить дополнительные свободные дни.

– Учитывая специализацию фирмы, они поступали разумно. – Ярдман рассеянно стряхивал пепел в чернильницу. – А теперь вы собираетесь бросить скачки?

– Нет.

– Могут ли ваши скаковые связи способствовать работе нашей фирмы?

– Я постараюсь, – пообещал я.

Он отвернулся и поглядел в окно. Уровень воды в Темзе сильно понизился. На том берегу в сумерках рыжие краны походили на игрушки из детского конструктора. Тогда я никак не мог взять в толк, какие расчеты крутились в сообразительной голове Ярдмана, хотя теперь я нередко вспоминаю эти мгновения...

– По-моему, вы поступаете неразумно. Эх, молодость, молодость, – проговорил он и нацелил свой нос-клюв в мою сторону. Он пристально посмотрел на меня своими зеленоватыми, глубоко запавшими глазами, а потом сообщил, сколько получал Питерс: пятнадцать фунтов плюс три фунта на расходы за каждую поездку. Ярдман был уверен, что это заставит меня переменить решение. Так оно чуть было и не случилось.

– Сколько таких поездок выходит за неделю? – спросил я.

– Все зависит от времени года. Да вы и сами знаете. После продажи годовичков – три, во Францию – даже четыре. Иногда две. Иногда вообще никаких поездок.

– Ну что, берете меня? – спросил я.

Его губы искривились – потом я понял, что это называется иронической усмешкой.

– Можете попробовать, – сказал он. – Если вам, конечно, понравится.

Глава 2

Работа состоит из того, что ты в нее вкладываешь. Три недели спустя, после Рождества, я летел в Буэнос-Айрес с двенадцатью годовичками: четыре от «Старой Англии» и восемь от других фирм. Все они собрались в пять часов холодным утром в аэропорту Гатвик. Серл организовал их доставку и заказал документы в транспортной компании. Когда их выгрузили из специальных автофургонов, они перешли под мое начало. Я проследил, чтобы их погрузили в самолет, оформили документы на таможне, и полетел. Со мной летели также двое конюхов, которым очень не понравилось, что место Питерса получил я. Каждый из них очень надеялся на повышение, и с точки зрения человеческих отношений эта командировка оказалась полным провалом. В остальном все прошло без осложнений. Мы прилетели в Аргентину с четырехчасовым опозданием, и машины новых хозяев уже ждали свой груз. Я опять выполнил все таможенные процедуры и проследил, чтобы каждый из пяти новых владельцев получил то, что заказывал, и все необходимые сертификаты в придачу. На следующий день в самолет загрузили пушной товар, и в пятницу я снова был в Гатвике.

В субботу я один раз упал с лошади и один раз выиграл скачку в Сандауне. Воскресенье я провел как обычно, а в понедельник вылетел в Германию с цирковыми пони. Через две недели я валился с ног от усталости, но через месяц привык. Я приспособился к долгим перелетам, к нерегулярному питанию, к бесконечным чашкам кофе, ко сну в сидячем положении на брикетах сена на высоте десять тысяч футов. Оба конюха, Тимми и Конкер, немного побушевав, взяли себя в руки, и мы в конце концов составили неплохую, немногословную, дельную команду.

Моя семья, разумеется, пришла в ужас от моей новой работы и делала все, чтобы заставить меня отказаться от нее. Моя сестра взяла назад вполне заслуженные упреки, мой отец был убежден, что титул графа попадет кузену, ведь самолеты – такие противоестественные опасные устройства, а моя мать была в истерике от того, что подумают знакомые.

– Это же работа поденщика, – причитала она.

– Не место красит человека, а человек место, – отвечал я.

– Но что скажут Филлихой?

– А не все ли мне равно?

– Эта работа не для тебя, – говорила мать, заламывая руки.

– Она меня вполне устраивает. Стало быть, эта работа для меня.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имела в виду совсем другое.

– Я прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду, мама, и я с тобой не могу согласиться.

Человек должен делать то, что ему нравится. Это главное. И совершенно не важно, как на это смотрят окружающие.

– Очень даже важно! – воскликнула она в полном отчаянии.

– Я терпел целых шесть лет, но терпению моему настал предел. И мир меняется. Кто знает, вдруг то, чем я занимаюсь, станет через год самой модной профессией. Стоит мне зазеваться, и половина моих знакомых попытаются перехватить эту работу. Но так или иначе, мне эта работа нравится, вот и все.

Но убедить мать было невозможно, и она могла смотреть в глаза своим знакомым, лишь делая вид, что ее сын поступил в эту контору, чтобы лучше узнать жизнь, и вообще все это было просто шуткой.

Саймон Серл тоже поначалу отнесся к этому как к шутке.

– Ты у нас не удержишься, Генри, – доверительно говорил он. – Ты как-то плохо сочетаешься с навозом. Я имею в виду твои темные роскошные костюмы с белоснежными рубашками. Одна такая командировка – и все!

Ровно через месяц, в пятницу, я зашел к Ярдману за конвертом с жалованьем, и мы отправились с Серлом в его любимую пивную, где были цветные витражи и спертый воздух. Он грузно опустился на табуретку у бара, заказал пинту. Я заплатил и заказал полпинты себе. Саймон осушил чуть ли не всю кружку одним мастерским глотком. Слизнув языком с верхней губы остатки пены, он поинтересовался:

– Ну как кочевая жизнь?

– Нравится, – с улыбкой отозвался я.

– Я уверен, – сказал он, дружески улыбаясь, – что ты еще не наломал дров.

– Спасибо, – отозвался я.

– Впрочем, поскольку я делаю всю черновую работу, у тебя и впрямь все должно идти нормально.

– Так оно и есть, – согласился я.

Саймон и правда был отличным организатором. Именно по этой причине «Англия» чаще предпочитала иметь дело с фирмой Ярдмана, а не с агентством Кларксона, гораздо более солидной организацией. Все, что делал Саймон, отличалось простотой и надежностью, и он всегда находил время проверить, правильно ли его поняли. Агенты, владельцы лошадей, представители авиакомпаний прекрасно знали, как обстоят дела и что они должны делать. Я никогда не встречал столь надежного делового партнера, как Саймон. Я и сам отличался пунктуальностью и потому восхищался работой Саймона как настоящим творчеством.

Саймон уставился на меня с явным удивлением и спросил:

– Неужели ты и в командировки отправляешься в таком виде?

– В общем-то, да.

– Что означает «в общем-то»?

– В самолете я надеваю вместо пиджака свитер.

– А пиджак ждет тебя на земле?

– Да.

Он рассмеялся, но в его смехе не было издевки.

– Ты странный парень, Генри, – сказал он, потребовал еще пива, недоуменно пожал плечами, когда я отказался, и снова одним глотком осушил кружку. – Почему ты такой аккуратист?

– Так безопасней.

– Безопасней? – Он поперхнулся пивом и закашлялся от смеха. – Неужели тебе не кажется, что для очень многих выступления в стипль-чезах и постоянные перелеты не кажутся образцом безопасного существования?

– Я не это имел в виду.

– А что же? – спросил Саймон.

Но я покачал головой и не стал пускаться в объяснения.

– Расскажи лучше мне о Ярдмане, – попросил я.

– Что именно?

– Ну, откуда он... что он за человек и так далее.

Саймон сторбился над кружкой и поджал губы.

– Он пришел в фирму после войны. До этого он служил сержантом в пехоте. Не знаю подробностей, никогда не спрашивал. Но он прошел весь путь снизу доверху. Тогда фирма еще не носила его имени. Хозяевами были люди по фамилии Мейхью, но они умерли, а племянники потеряли интерес, и так далее. Когда я сюда поступил, Ярдман был уже главным. Не знаю, как он этого добился, но факт остается фактом. Он, впрочем, человек способный, в этом ему не откажешь. Кстати, это он ввел авиаперевозки. Он считал, что так гораздо лучше, хотя остальные компании предпочитают транспортировку по суше и морю.

– Даже несмотря на то, что сама фирма расположена на пристани.

– Точно. Кстати, в свое время это было очень удобно. Но потом они перестали отправлять лошадей на континент на мясо.

– Ярдман тоже этим занимался?

– Да, – кивнул Серл. – Он был экспедитором. В том конце причала есть большой сарай, там мы собирали лошадей. Их обычно собирали дня за три до прихода парохода. А приходил он раз в две недели. Не могу сказать, что очень жалею о прекращении таких поставок. Много шума, много суматохи, много грязи. А как говорил Ярдман, прибыли кот заплакал.

– А тебя не волновало, что их везут на убой?

– А чего тут переживать? Примерно так же отправляют свиней или коров. – Он допил пиво. – Никто не живет вечно. – Он весело улыбался и, показав на кружки, спросил: – Еще по одной?

Я отказался, а он заказал очередную кружку.

– О Питерсе что-нибудь известно? – спросил я.

– Ни звука, – покачал головой Серл.

– А его бумаги где?

– По-прежнему в конторе.

– Немножко странно.

– Кто знает, что у него было на уме, – пожал плечами Серл. – Может, он хотел от кого-то отвязаться и уж постарался на славу.

– И никто не поинтересовался, почему он пропал?

– Нет, никто. Ни полиция, ни обманутые им букмекеры, ни разгневанные женщины.

– Он что, поехал в Италию и исчез?

– В общем-то, да. Он повез маток в Италию, в Милан, и в тот же день должен был вернуться. Но что-то случилось с самолетом: то ли с двигателем, то ли еще с чем-то, и пилот сказал, что если проработает так еще несколько часов подряд, то у него будут неприятности. Поэтому возвращение было перенесено на следующий день, но утром Питерс не появился. Они прождали его чуть ли не целый день и вернулись без него.

– И все?

– Что делать, такова жизнь с ее маленькими тайнами. А что, ты, может, боишься, что Питерс появится и тебе придется освободить место?

– Может, и так.

– Неуживчивый он был какой-то, – задумчиво проговорил Серл. – Постоянно качал права. Постоянно спорил. Очень агрессивный человек. Вечно вступал в препирательства с заграничными таможенниками. Они небось рады-радешеньки, что теперь появился ты, – закончил Серл с улыбкой.

– Наверное, и я таким стану через год-другой, – сказал я.

– Через год-другой? – искренне удивился он. – Генри, ну я еще могу понять, что ты занял вакансию, так сказать, смеха ради, но неужели ты собираешься работать тут постоянно?

– Ты считаешь, мне куда больше к лицу респектабельная работа за письменным столом в «Старой Англии»? – иронически осведомился я.

– Да, – сказал он на полном серьезе. – Пожалуй.

– И ты тоже? – вздохнул я. – Я-то думал, хоть ты поймешь... – Я многозначительно осекся.

– Что я пойму?

– Ну хотя бы то, что кое-кому, например, хочется, несмотря на все свое аристократическое происхождение, порвать с работой, которую прилично иметь, и начать заниматься тем, что тебе подходит. Я не могу сидеть за столом и перекладывать бумажки. Я понял это в первую же неделю работы в «Старой Англии», но остался, потому что сразу устроил скандал и потребовал самую заурядную работу. Я долго не желал признаться, что допустил ошибку, поступив в

эту фирму, и пытался полюбить свое дело. Полюбить не полюбил, но по крайней мере привык, а теперь... Теперь уже я вряд ли смогу вернуться к канцелярской жизни с девяти до пяти.

– Твоему отцу за восемьдесят? – задумчиво осведомился Саймон, а когда я кивнул, продолжил: – И ты думаешь, когда он умрет, они позволят тебе развозить лошадей по всему миру? Да и сколько ты сможешь заниматься этим так, чтобы не прослыть эксцентриком, человеком с причудами? Нравится тебе это или нет, Генри, но карабкаться по социальной лестнице вверх куда проще, чем спускаться, при этом оставаясь уважаемым членом общества.

– Значит, меня будут уважать, если я гоняю лошадей по белу свету, не вставая из-за письменного стола в «Англии», но я тотчас же потеряю это уважение, если встану из-за стола и сам окажусь в самолете?

– Именно, – рассмеялся Саймон.

– Мир рехнулся, – заключил я.

– Ты романтик, Генри, но со временем это пройдет. – Он окинул меня дружеским взглядом, допил пиво и сполз с табуретки, словно большая зеленая медуза. – Пошли, – сказал он. – Самое время пропустить еще по одной в «Голове сарацина».

На следующий день на ипподроме Ньюбери я просмотрел пять скачек с трибуны и принял участие в шестой.

Подобная бездеятельность была вынужденной. Когда мне исполнилось двадцать лет, стюарды поставили меня перед выбором: или перейти в профессионалы, или ограничиться пятью-десятью открытыми скачками в сезон. Иными словами – не мешайте коммерции, не отбирайте хлеб с маслом у жокеев-профессионалов. Как если бы профессиональные жокеи ели хлеб с маслом!

Я не перешел тогда в профессионалы по двум причинам. Во-первых, я все-таки получил слишком традиционное воспитание, а во-вторых, звезд с неба на ипподроме не хватало. Я и теперь не был королем любителей, но все же давно работал с полной нагрузкой, какую только может иметь жокей-непрофессионал. Большая рыба в маленьком пруду. Теперь, обретая свободу, я пожалел, что в двадцать лет не отважился стать профессионалом. Я очень любил стипль-чезы и, пожалуй, смог бы кое-чего добиться, если бы все свое время уделял скачкам. Сидя на трибуне ипподрома Ньюбери, я с горечью сознавал, что сестра слишком поздно открыла мне глаза на жизнь. Мое единственное сегодняшнее выступление было в скачке «только для любителей». Поскольку на этот счет ограничений не существовало, редкая любительская скачка обходилась без меня. Я регулярно выступал на лошадях тех хозяев, которые не хотели тратить на профессионалов, и для тех, кто полагал, что их лошади имеют лучшие шансы в скачках любителей, и, наконец, для тех немногих, кому нравилось, как я выступаю.

Они знали, что, если я выиграю в любительских или открытых призах, я рассчитываю получить около десяти процентов от стоимости призового места. Поползли слухи, что Генри Грей выступает ради денег. Генри Грей – меркантильный любитель. Поскольку я отличался сдержанностью и у меня не было длинного языка, мне порой платили наличными, а так как мой отец был графом Креганом, моя любительская лицензия оставалась неприкосновенной. В раздевалке я обнаружил, что, несмотря на перемены в настроении, я не в состоянии изменить раз и навсегда установленный стереотип. Вокруг меня шел веселый обмен репликами, в котором я не участвовал.

Никто, собственно, не ожидал обратного. Ко мне уже привыкли. Половина жокеев относились к моей отстраненности как к надменному снобизму, остальные лишь пожимали плечами и говорили: «Так уж Генри устроен». Никто не проявлял враждебности, это я сам отказывался стать частью целого. Я медленно передевался в рейтузы и камзол, слушал сочные реплики других жокеев и не знал, что сказать.

Скачку я выиграл. Довольный владелец публично похлопал меня по плечу, угостил выпивкой в баре для владельцев и членов жокей-клуба, а потом украдкой сунул мне сорок фунтов.

Я их потратил до пенса в воскресенье.

Я зашел в гараж еще до рассвета, завел свой маленький «геральд», потом, стараясь не шуметь, открыл двери, и машина зашуршала шинами по аллее. Мать пригласила к нам на уик-энд еще одну состоятельную девственницу. В субботу я отвез ее с родителями в Ньюбери, подсказал верную лошадку – на которой, кстати, скакал сам – и счел, что сделал достаточно. Когда я вернусь, холодно размышлял я, их уже здесь не будет и мои дурные манеры, выразившиеся в таком внезапном исчезновении, возможно, – если повезет – охладят их интерес ко мне.

Два с половиной часа я ехал в северном направлении и наконец оказался в Линкольншире перед воротами с вывеской. Я поставил машину в конце стоянки, вылез, потянулся и взглянул на небо. Утро было холодное, ясное, а видимость отличная. На небе ни облачка. Удовлетворенно улыбаясь, я двинулся к ряду белых строений и толкнул стеклянную дверь Фенландского авиаклуба.

Я оказался в вестибюле, из которого в разные стороны вели несколько коридоров. Была там и двойная дверь – выход на летное поле. По стенам висели карты в рамках, инструкции Министерства авиации, большая карта этого района, рекомендации для летчиков, прогноз погоды, а также список участников турнира по настольному теннису. В одном конце стояло несколько деревянных столов и жестких стульев – большинство из них пустовало, – а в другом находилась конторка администрации. За ней, потягиваясь и почесывая себя между лопатками, стоял полный коротышка в свитере, примерно моего возраста. Он был с похмелья. В одной руке у него была чашка с кофе, в другой сигарета, и он уныло отвечал молодому красавцу, появившемуся с девицей, на которую тот, похоже, замыслил произвести неизгладимое впечатление:

– Я же говорил, старина, сначала позвоните. У нас сейчас нет свободных самолетов. Так что ничем не могу помочь. Но вы подождите, вдруг кто-то не приедет.

Он небрежно обернулся ко мне и сказал:

– Привет, Гарри, как дела? – Так меня здесь называли.

– Очень даже неплохо, а у тебя?

– Ой, – махнул он рукой, – лучше не спрашивай, а то верну обратно весь вчерашний джин. – Он повернулся и стал изучать многочисленные листы с расписанием на стене. – Сегодня ты летишь на «кило-ноябре». Он там, у заправки. Снова небольшой кросс?

– Угу, – кивнул я.

– Самая погода, – сказал он и поставил птичку против строки «Г. Грей, одиночный полет».

– Лучше не бывает.

– Так, может, попозже, днем? – мрачно спросила девица.

– Без шансов. Все уже занято. И темнеет рано. Но завтра будет полно самолетов.

Я прошел через дверь на летное поле и зашагал в сторону заправки. Там стояло шесть одномоторных самолетов – в два ряда по три штуки. Человек в белом комбинезоне заправлял один из них через люк в верхней части левого крыла. Увидев меня, он махнул рукой и с улыбкой крикнул:

– Следующей буду заправлять твою, Гарри. Ребята над ней здорово потрудились. Говорят, что лучше ты сам бы не отладил.

– Рад это слышать.

Он завинтил люк и, прыгнув на землю, сказал, глядя в небо:

– Хорош денек. – Там уже кружились два маленьких самолета, а еще четыре ждали своей очереди у контрольной башни. – Далеко собрался? – спросил он.

– В Шотландию.

– Это же просто надувательство, – сказал он и потащил шланг к следующей машине. – Слишком легко. Надо взять на запад, пока внизу не увидишь шоссе А-один, и лети себе над ним.

– Я лечу в Ислей, – улыбнулся я. – Там дорог не будет.

– В Ислей? Это другое дело.

– Я приземлюсь, перекушу и привезу тебе букет вереска.

– Это далеко?

– Примерно двести семьдесят морских миль.

– Обратно полетишь в темноте. – Это был не столько вопрос, сколько констатация факта.

Он отвинтил крышку люка моего самолета и стал прилаживать шланг.

– Да, почти весь обратный путь полечу в темноте, – признал я.

Я выполнил привычные проверочные операции, взял свой летный комбинезон и карты из машины, сдал план полета, получил разрешение диспетчера на взлет и вскоре уже был в воздухе.

Странная штука воздух. Многим кажется, что раз он прозрачен, то вовсе не существует. Так сказать, невидимое нереально. Но воздух – материя плотная, эластичная и оказывающая сопротивление. Чем сильнее ты на него давишь, тем тверже он становится. Воздушные течения сильнее морских приливов-отливов, а иные небесные водовороты страшнее пути между Сциллой и Харибдой.

Когда я впервые взлетел в воздух, я попытался представить себе самолет подводной лодкой, а воздух водой. И там и там ты поднимаешься, опускаешься, болтаешься из стороны в сторону в среде неведомой, но вполне ощутимой. Потом я решил, что, если бы наше зрение было устроено иначе, мы смогли бы отчетливо различать азот и кислород в прозрачном воздухе, а также водород и кислород в прозрачной жидкости, именуемой водой.

После этого я счел пластичность воздушной субстанции чем-то само собой разумеющимся и перестал об этом думать.

Путешествие в Ислей оказалось сплошным удовольствием. К этому времени я уже набрался опыта настолько, что вел самолет так же легко, как автомобиль. Погода была отличная, карта под рукой на пустом пассажирском сиденье, маршрут тщательно разработан, и оставалось только наслаждаться полетом. Я любил быть в одиночестве. Особенно мне нравилось быть одному в крошечной, шумной, трудолюбивой скорлупке с мотором, делающим двадцать пять тысяч оборотов в минуту, на высоте четыре с половиной тысячи футов над уровнем моря, в скорлупке, двигавшейся со скоростью сто десять миль в час на северо-запад в сторону моря и одного из шотландских островов.

Я без труда отыскал Ислей и настроил рацию на частоту аэродрома Порт-Элен. Я сказал:

– Диспетчерская аэропорта Порт-Элен, это «гольф-альфа-ромео-кило-ноябрь», – вы меня слышите?

– «Гольф-кило-ноябрь», добрый день, – услышал я голос с шотландским акцентом, – милости просим.

– «Кило-ноябрь» подходит с юго-востока, дистанция пятнадцать миль. Прошу разрешения на посадку.

Получив разрешение и соответствующие инструкции, я сделал круг над летным полем, вырубил двигатель, поймал ветер и спланировал на скорости восемьдесят миль в час на посадочную полосу, после чего подрулил к диспетчерской и доложил о прибытии.

Перекусив в баре, я пошел прогуляться к морю. Я так увлекся прогулкой, наслаждаясь мягким морским воздухом, что забыл нарвать вереска. Остров, казалось, дремал на солнце. Было воскресенье, и жизнь словно замерла. Тишина и спокойствие приятны, когда ты проводишь так три часа, невыносимы – когда всю жизнь.

Золото погожего дня исчезло, когда я пустился в обратный путь. Я летел в сумерках, потом в темноте, проверяя путь, который пролетал, по компасу и радиомаякам. Я сделал короткую посадку и без приключений долетел до Линкольншира, тихо и печально приземлившись на знакомом аэродроме.

Как всегда в воскресенье, гостиная летного клуба, расположенная рядом с вестибюлем, была полна пилотов-любителей вроде меня. Все они наперебой обсуждали недавние полеты, горячо говорили о сваливании, штопорах, потере скорости, боковом скольжении и допустимых отклонениях от курса. Я протиснулся через толпу к бару и заказал шотландского виски с содовой. Виски приятно обжигало рот, напоминая о местах, где я недавно побывал.

Обернувшись, я обнаружил рядом с собой администратора и того рыжеволосого молодого человека, с которым он объяснялся утром. Поймав мой взгляд, администратор сказал своему спутнику:

– Вот человек, с которым есть смысл потолковать. Это наш Гарри. С виду он тихоня, но это впечатление обманчивое. В воздухе он всех их за пояс заткнет. – Администратор обвел рукой гостиную. – Да ты сам у него спроси. Гарри появился у нас точь-в-точь как ты, понятия не имея о том, как летают самолеты. И было это всего три-четыре года назад.

– Четыре, – уточнил я.

– Вот видишь. Четыре года назад. А теперь у него лицензия пилота коммерческой авиации и летных часов видимо-невидимо. А машину он может разобрать в два счета, что твой механик.

– Ну хватит, – смущенно перебил я администратора.

Впрочем, молодой человек отнесся к его словам спокойно, поскольку толком не знал, о чем идет речь.

– Главное, начать, – сказал я. – А потом уже все идет как бы само собой.

– Сегодня у меня был первый урок в воздухе, – сообщил молодой человек и последующие пятнадцать минут подробно посвящал меня в детали.

Пока он изливал душу, я съел два бутерброда с ветчиной и допил виски. Он не виноват, размышлял я, слушая вполуха. Если тебе это нравилось, то уже после первого полета ты оказывался на крючке. Это и произошло с ним – а четыре года назад со мной. Случайно проезжая мимо ворот аэроклуба, я вдруг развернулся, остановил машину и вошел, решив прокатиться в самолете. Просто так, от нечего делать.

Я навещал умиравшую тетку, и настроение у меня было не из веселых.

– Разумеется, мистер Грей может полетать с инструктором, – сказали мне в аэроклубе.

Но инструктор не знал, что я просто хотел покататься и посмотреть в окно. Он стал учить меня управлять самолетом. Я провел там целый день и оставил жалованье за неделю. В следующее воскресенье я снова оказался в клубе. Так я и проводил с тех пор все воскресные дни и тратил все деньги.

Рыжеволосого прервал крупный мужчина в твидовом костюме. Он протиснулся между ними и сказал:

– Гарри, я все ждал, когда ты вернешься.

– Выпьем?

– Да, сейчас...

Его звали Том Уэллс. Он был владельцем маленькой чартерной авиакомпании, которая размещалась на этом же аэродроме, и по воскресеньям он сдавал свободные самолеты клубу. Как раз на его машине я и летал в Ислей.

– Я что-нибудь сделал не так? – осведомился я.

– Не так? Господи, с чего ты это решил? Просто у меня небольшая проблема, и я подумал, может, ты меня выручишь?

– Если смогу.

– У меня масса заказов на следующий уик-энд, и нет как раз одного пилота. Ты не летаешь?

– Хорошо, – сказал я.

Мне и раньше иногда приходилось это делать.

– Ты слов на ветер не бросаешь, Гарри, – усмехнулся он. – Ну, когда мне тебе позвонить, чтобы объяснить, что к чему?

Поколебавшись, я сказал:

– Лучше я сам позвоню.

– Тогда утром в субботу.

– Договорились.

Мы выпили по одной, и он принялся удрученно рассказывать о том, как дорого теперь стоит обучение пилотов. Молодой человек, желающий выучиться водить многомоторные самолеты, должен был выложить три тысячи фунтов. Только крупные авиакомпании могли себе это позволить. Они готовили своих сотрудников и, естественно, держали их при себе. Когда состарится поколение, научившееся летать во время войны в РАФ¹, маленькие фирмы окажутся в очень тяжелом положении.

– Ты странный человек, – начал он то, к чему подходил издали. – У тебя есть лицензия пилота коммерческой службы, а ты толком ею не пользуешься. Почему? Почему бы тебе не бросить всю эту канцелярщину и не пойти ко мне?

Я пристально уставился на него. Искушение было велико, но согласиться означало в то же время отказаться от стипендии. На это я не мог пойти. Я медленно покачал головой и сказал, что пока не могу.

На обратном пути я размышлял над парадоксальной ситуацией. Том Уэллс ничего обо мне не знал, кроме того, что я работаю в конторе. Я не сообщил ему, что поменял работу, – и не собирался рассказывать. Он не знал, кто я и что делаю. Мне так больше нравилось. Все остальные в Финляндии знали столь же мало. Им было известно, что есть некто по имени Гарри, кто появляется по воскресеньям, и если у него есть деньги, то летает, а если нет – то работает в ангарах с механиками.

Том Уэллс предложил мне работу, потому что ценил меня, а не моего отца-графа, как Ярдман. Это мне очень нравилось. Далеко не всегда я мог вычислить, по каким мотивам мне что-то предлагали, но я понимал: если я приму предложение Тома, моя анонимность исчезнет без следа и меня окружают старые проблемы. К тому же Том может пойти на попятный, и у меня не останется того единственного дня в неделю, когда я бываю самим собой.

Дома не знали, что я стал пилотом. Я об этом им так и не сказал. Дело в том, что в день, когда я появился в аэроклубе, моя тетка скончалась и я испытал приступ раскаяния: пока она умирала, я развлекался вовсю. Я и потом не рассказывал об этом из опасения, что они поднимут скандал и постараются мне помешать. Вскоре я понял, до чего приятно вести две разные жизни сразу, и делал все, чтобы они не смешивались. Это было нетрудно. Я от природы отличался неразговорчивостью и не отвечал на расспросы о моих воскресных прогулках. Я держал книги по летному делу, карты, логарифмические линейки и все прочее под замком у себя в спальне. И все шло пока отлично.

¹ Королевские военно-воздушные силы Великобритании.

Глава 3

На следующий день я познакомился с Билли. Как только Конкера и Тимми одолели приступы ярости, вызванные моим появлением, разрушившим их планы на повышение, мы заключили негласный мирный договор. В наших поездках они болтали друг с другом, но не со мной – потому что я и не проявлял особого желания, но зато вполне мирно делили сэндвичи, шоколад и работу. Билли же сразу дал понять, что с ним этот номер не пройдет. Для Билли классовая война была просто необходима, и на поле брани он был самый неустрасимый воин. Через пять секунд после нашего знакомства он стал точить клыки.

Знакомство состоялось в аэропорту Кембриджа в пять утра. Мы должны были переправить партию лошадей из Ньюмаркета в Шантлиль под Парижем, и с погрузкой-разгрузкой и прочими формальностями день обещал выдаться тяжелым. Я поставил свою машину на стоянке и пока размышлял, как мы с Конкером и Тимми со всем этим управимся, вдруг подъехал темный «ягуар» десятой модели и из него вылез Ярдман. В машине были еще двое: неразличимый силуэт сзади, а на переднем сиденье Билли.

Ярдман вылез, потянулся, зевнул, поглядел на небо и наконец обратился ко мне:

– Здравствуйте, мой дорогой мальчик, – сказал он самым дружеским тоном. – Отличная погода для полетов.

– Весьма, – удивленно отозвался я.

Ярдман, вообще-то, не любил ни рано вставать, ни приезжать в аэропорт, чтобы пожелать нам счастливого пути. Если возникали какие-то осложнения с документами, бывало, приезжал Серл, но не Ярдман. И все же на сей раз пожаловал он собственной персоной, в черном костюме, мешковато сидевшем на его худой фигуре. В холодном утреннем свете его пятнистое лицо выглядело особенно невыигрышно. Солнцезащитные очки, как всегда, скрывали выражение его глубоко посаженных глаз. После месяца работы в его конторе и непродолжительных контактов, случавшихся несколько раз в неделю, когда я заходил за инструкциями, бумагами или зарплатой, я так и не узнал его лучше. В каком-то смысле его защитные барьеры ничем не уступали моим.

Сдерживая зевоту, он сообщил мне, что Тимми и Конкер получили отгулы и сегодня их не будет. Он привез с собой двоих конюхов, которые были только рады их заменить. Ярдман выразил надежду, что с новыми помощниками у меня не будет осложнений. Он сказал, что сам привез их, поскольку общественный транспорт не приспособлен для встреч в пять утра в аэропорту Кембриджа.

Тем временем с переднего сиденья выбрался первый пассажир.

– Билли Уоткинс, – кивнул в его сторону Ярдман.

– Доброе утро, лорд Грей, – сказал Билли, худощавый девятнадцатилетний юнец с круглыми и холодными голубыми глазами.

– Генри, – машинально отозвался я. Меня больше устраивало такое обращение, да и в нашей работе другие варианты выглядели менее естественно.

Билли холодно и с вызовом посмотрел на меня и повторил, выбрасывая слово за словом:

– Доброе утро, лорд Грей.

– Доброе утро, мистер Уоткинс.

Он сверкнул глазами и снова холодно на меня уставился.

Если он надеялся сбить меня с толку и смутить, то сильно ошибся.

Ярдман с раздражением уловил трения.

– Я тебя предупреждал, Билли, – быстро начал он и столь же быстро замолчал и обратился ко мне: – Я надеюсь, вы не допустите, чтобы некоторая несхожесть темпераментов поставила под сомнение безопасность ценного груза.

– Ни в коем случае, – отрезал я.

Он улыбнулся, обнажив свои сероватые искусственные зубы. Я никак не мог понять, почему, имея средства на такую дорогую машину, как «ягуар», Ярдман не мог раскошелиться на более естественно выглядящие зубы. Это безусловно придало бы ему более respectable вид.

– Вот и отлично, – быстро и удовлетворенно проговорил он. – Давайте грузиться.

Тем временем из машины осторожно выбрался третий. Его большой живот был бы вполне к лицу женщине, собирающейся родить двойню. Он был облачен в незастегнутый коричневый балахон. Под ним виднелась рубашка-ковбойка и красные подтяжки, с трудом поддерживающие простые темные брюки. Он был лысоват, заспан, устал и угрюм. Ему было лет пятьдесят, и он почему-то упорно старался не смотреть мне в глаза.

Ну и команда собралась, думал я, переводя взгляд с толстяка на Билли. И это когда требуется максимум сноровки и проворства. Толстяк оказался совсем непригодным – он обращался с лошадьми с грубостью, рожденной страхом перед ними. По распоряжению Ярдмана он выводил лошадей из фургонов, в которых их привезли, и проводил по устланному матами настилу в самолет, где мы с Билли устраивали их во временных стойлах-боксах.

Джон – так звали толстяка – был слишком тучен или трусоват, чтобы идти рядом с лошадью. Он пятился задом, таща на себя лошадь, неловко вытягивая голову. Неудивительно, что животные нервничали и отказывались идти. Ярдман подступал сзади, размахивая вилами, иногда подталкивая лошадей рукояткой. В результате лошади были перепуганы и в таком состоянии везти их было никак нельзя.

После того как три из них, потные, лягающиеся, бешено косящие глазами, все же оказались в самолете, я вылез наружу и запротестовал:

– Пусть Джон помогает Билли, а я сам буду выводить их из фургонов и заводить в самолет. Если они придут в таком нервном состоянии, владельцы вряд ли захотят с ними связываться в дальнейшем. Впрочем, скорее всего, лошади разнесут самолет на куски в воздухе.

Ярдман знал, что такое случилось пару раз за историю авиаперевозок чистокровных лошадей. Всегда существовала опасность, что лошадь может сделаться неуправляемой даже в самых нормальных обстоятельствах. Но пускаться в полет, когда на борту табун перепуганных лошадей, равносильно самоубийству.

Ярдман размышлял долю секунды, потом сказал:

– Ладно, поменяйтесь.

Погрузка продолжалась – не так суматошно, но по-прежнему медленно. И в самолете от Джона тоже было мало толку.

Груз в самолетах следует размещать еще более тщательно, чем на корабле. Если центр тяжести окажется нарушен, самолет не сможет взлететь. Он промчится до конца взлетной полосы, а потом превратится в груды искореженного металла. Если центр тяжести сместится в воздухе, самолет накренится, примерно как и корабль, только выправить крен будет куда труднее, да и спасательных шлюпок, увы, под рукой не окажется.

Для соблюдения мер безопасности лошадей надо ставить в центральной части самолета, причем для их спокойствия и удобства хвостами к хвосту самолета. Ярдман обычно пользовался самолетами среднего калибра, и там помещалось по четыре пары лошадей. Они должны стоять неподвижно, и к ним нужно иметь возможность легко подходить. При взлете и посадке, например, приходится успокаивать их и гладить. Поэтому каждая пара помещалась в отдельный бокс – получалось четыре самостоятельных островка. По центральному проходу и вокруг боксов были проложены доски так, чтобы боксы можно было обходить кругом, имея доступ к каждой лошади. Лошади стояли на подстилках из торфа. Вокруг каждой пары сооружался бокс из досок толщиной в полдюйма. Сначала сооружались передняя и две боковые стенки, потом заводилась лошадь и запиралась задней стенкой. Для прочности боксы скреплялись метал-

лическими брусьями, а те – чеками. Всего таких брусьев на бокс приходилось три – снизу, сверху и по центру. Для дополнительной надежности боксы крепились к полу цепями. Когда погрузка завершилась, получалось четыре аккуратных контейнера, из которых выглядывали только лошадиные морды, спины и хвосты. Поскольку нельзя было допустить, чтобы бокс развалился при полете, их сборка была делом ответственным и требовала времени, внимания и сноровки.

У Джона не было ни того ни другого – он оказался на редкость неуклюжим: долго возился с цепями, потом потерял две чеки, и мы, так и не сумев отыскать их, стали скреплять брусья проволокой, что вряд ли спасет бокс, если упрямая лошадь начнет в нем метаться. Кончилось тем, что работали мы вдвоем с Билли, а Джон мрачно стоял и смотрел на нас, причем Билли делал все, чтобы я почувствовал всю тяжесть физического труда. Мы провозились так долго, что к тому моменту, когда пилот забрался в кабину и завел моторы, три перепуганные лошади успели успокоиться. Закрывая двойные двери, через которые мы вводили лошадей, я еще раз взглянул на Ярдмана. Он стоял на асфальте, и ветер от моторов развеивал его жидкие волосы, превратив его голову в нечто напоминающее морской анемон. Стекла его очков серебрились. Он вскинул руку, не поднимая локтя, – неуклюжий жест прощания. Я в ответ тоже вскинул руку и закрыл вторую дверь, а самолет уже начал двигаться. Как обычно, команда самолета состояла из трех человек – командир корабля, второй пилот и бортинженер. Бортинженер, с которым я совершал все предыдущие поездки, охотно варил кофе, всегда был готов погладить лошадь, и пользы от него было куда больше, чем от Джона.

Полет был относительно недолгим, дул попутный ветер, но все равно мы опоздали примерно на час. Когда мы приземлились, французы подкатали к самолету настил, а я открыл дверь изнутри. Первое, что я увидел: три неулыбчивые физиономии таможенных чиновников. Самым тщательным образом они сверили лошадей со списком – сначала со своим, потом с нашим. Каждая лошадь была подробно описана: масть и все характерные приметы – и таможенники скрупулезно выискивали на лошадях все звездочки, чулки и прочее, дабы не допустить попытки всучить новому владельцу какую-нибудь клячу вместо того скакуна-красавца, за которого тот заплатил большие деньги. Франция была в этом смысле самой недоверчивой и привередливой страной.

Удостоверившись, что на сей раз все обошлось без обмана, старший таможенник вежливо вернул мне документы и разрешил разгрузку.

Четыре автобоксы от французских скаковых конюшен были присланы за новоприбывшими лошадьми. Водители, привыкшие к задержкам, стояли плотной группкой и ковыряли зубочистками во рту. Я спустился по настилу, подошел к ним и сообщил, в каком порядке будут выгружаться лошади. Хотя по-французски я изъяснялся без блеска, мне был хорошо знаком скаковой лексикон – за шесть лет работы в «Старой Англии» я часто имел дело с владельцами и поэтому знал все французские термины не хуже английских. Один из водителей подогнал свой фургон и собственноручно ввел в него гнедую кобылу. Он дружески похлопал ее по крупу и, пока я отвязывал вторую лошадь, пристроил ее в фургон и стал отъезжать. Другие водители приехали с конюхами: так обычно делается, когда надо забрать несколько лошадей. Билли выводил лошадей, а я с Джоном, точнее сказать, один стал разбирать боксы в самолете. Джон ронял брусья, спотыкался о замки, прищемлял пальцы цепями. Из-за большого живота он не мог выполнять никакой работы, где надо было нагибаться. Причина, по которой Ярдман пользовался его услугами, – великая тайна, раздраженно размышлял я.

Предполагалось, что обратно мы повезем четырех лошадей, но разгрузка закончилась, а груз так и не прибыл. Когда прошло еще полчаса, я отправился в здание аэропорта и позвонил одному из тренеров, имевших отношение к перевозке. Он подтвердил, что от него должны были поступить две четырехлетки, купленные англичанами для стипль-чезов, но в аэропорту они появятся лишь в три часа. В извещении, что он получил от фирмы Ярдмана, черным по

белому значилось – пятнадцать ноль-ноль. Второй тренер сказал то же самое. Я не стал звонить третьему – похоже, и он получил такое же уведомление. Либо Саймон, либо его машинистка ошиблись, и вместо ноля появилась цифра «пять». Новость была малоприятная: это означало разгрузку в конце дня, когда мы совсем выйдем из сил. Но неприятности только начинались. Подойдя к самолету, я увидел, что Билли и Джон оживленно препираются. Я не успел понять, о чем они спорили, потому что оба сразу замолчали при моем приближении. Джон сердито пнул ногой настил, а Билли окинул меня наглым взглядом.

– В чем дело? – спросил я.

Билли поджал губы, давая понять, что это не мое дело, однако после внутренней борьбы все же решил ответить:

– У него болит голова, – сказал он, кивая в сторону Джона. – От шума.

Болит голова? Может, так оно и есть, но это все равно не объясняло ни мрачности, ни неуклюжести, ни беспомощности толстяка, да и спора с Билли тоже. Также, вдруг с удивлением подумал я, это не объясняет, почему за всю поездку он не сказал мне ни единого слова. Но поскольку переспрашивать в надежде получить более подробные объяснения было бессмысленно, я только пожал плечами и решил не обращать на него внимания.

– Садитесь в самолет, – сказал я. – Произошло недоразумение, и мы заберем французских лошадей в другой раз.

– ... – отозвался Билли. Он произнес это ругательство так спокойно, что я с интересом подумал, как же он говорит, когда сердится.

– Я сказал, мы улетаем, – сухо заметил я, – и давайте больше не будем об этом.

Джон мрачно и неохотно стал подниматься. За ним Билли. Я выждал некоторое время и пошел за ним. Дистанция между нами явно носила символический характер, не без сарказма отметил я.

Работники аэропорта убрали помост, летчики, вернувшись из кафе, тоже заняли свои места, и мы полетели назад в Кембридж. Во время полета мы сидели на брикетах сена на значительном расстоянии друг от друга. Джон поставил локти на колени и уронил голову на руки, а Билли смотрел вдаль, на облачное небо.

Доски и брусья, ранее составлявшие боксы, теперь лежали плашмя на торфяных подушках, и самолет казался большим и пустым. Грохот усилился, и мне даже стало жалко Джона. Фирма, которой принадлежал самолет, быстро приспособляла его для самых разных перевозок. Цепи на полу использовались и для крепления пассажирских сидений, и для боксов с животными. Самолет мог везти шестьдесят туристов в один день и партию свиней или коров – в другой. Только перед очередным рейсом сиденья снимались или устанавливались и выметался соответствующий сор – солома и навоз в одном случае и пачки из-под сигарет и пакет с блевотиной – в другом.

Навоз нельзя было выгребать на иностранной территории. В соответствии с карантинными инструкциями его полагалось везти назад в Англию. Как ни странно, вдруг пришло мне в голову, но торфяные подушки никогда не воняли. Даже теперь, когда в самолете не было лошадей и запаха конского пота. Правда, самолет не был герметизирован, в него попадал свежий воздух и пахло в нем не так, как в конюшне, даже после солнечного дня.

В Кембридже первым у самолета оказался веселый, неутомленный работой акцизный чиновник, пришедший разобраться с лошадьми. Он залез в самолет, как только к нему приставили лестницу, что-то грубо сказал командиру и затем перешел из кабины пилота в салон.

– Что вы сделали с лошадаками? – удивленно спросил он, таращась в пустоту. – Сбросили в Ла-Манш?

Я объяснил, в чем дело.

– Черт, – буркнул он. – А я-то хотел уйти пораньше. Ну а что вы купили во Франции?

Джон промолчал, я покачал головой, а Билли сказал агрессивным тоном:

– У нас не было ни одной свободной минуты, чтобы отойти от... самолета.

Таможенник в своем темно-синем костюме весело покосился на меня. Похоже, он уже имел дело с Билли.

– Ладно, – сказал он. – Еще увидимся. – Открыв двойные двери, он помахал рукой служащим, катившим помост, и, как только тот был приставлен, весело сошел по нему и зашагал к зданию аэропорта.

Поскольку мы прилетели по расписанию и благодаря отсутствию лошадей, с которыми мы провозились бы при выгрузке, мы с Джоном и Билли последовали за ним, чтобы перекусить. Я сел за один столик, а Джон и Билли демонстративно выбрали другой, как можно дальше от меня. Но если Билли таким образом собирался меня задеть, то он просчитался. Я был рад, что меня оставили в покое.

Наконец прибыли лошади, и мы быстро погрузили их в самолет. Затем я вошел в аэропорт, уладил с таможеней все формальности на вывоз лошадей, оторвал пилотов от четвертой чашки кофе, и мы снова взмыли в чистое зимнее небо, перелетели через серый Ла-Манш и приземлились во Франции. Снова нас приветствовали те же таможенники, самым тщательным образом проверили груз и дали «добро». Мы выгрузили лошадей из боксов, предварительно разобрав последние, и проследили, как их грузят в автофургоны, дабы удостовериться, что они отбыли к своим новым владельцам. На сей раз четырехлетки оказались на месте, и мы сразу же занялись их погрузкой. Поскольку лошадей было всего четыре, надо было наладить два бокса – работа, на сей раз показавшаяся мне достаточно утомительной. Вклад Джона в четвертый рейс состоял в том, что он навесил сетки с сеном для четвероногих пассажиров, но и здесь он выказал удивительную медлительность и неуклюжесть.

Когда лошади спокойно устроились в боксах, мирно жуя сено, мы отправились в здание аэропорта. Впереди Джон с Билли, я сзади. Единственное слово, которое я слышал, когда они спускались из самолета, было «пиво».

Маленькая техническая неувязка с документами в одном из кабинетов привела к задержке. К таким неувязкам и задержкам я уже успел привыкнуть. Поездка без задержек – это вообще большой подарок судьбы. Когда ты везешь, скажем, двадцать лошадей, то стоит возникнуть каким-то вопросам в связи с одной из них, как рейс может отложиться на несколько часов. Как правило, дело бывает не столько в лошадях, сколько в том, заплатила ли фирма данному аэропорту за самолет или рейс. Обычно рейс задерживался до тех пор, пока не производилась оплата. Препирательства порой принимали такой ожесточенный характер, что просто хотелось выпрыгнуть в окно. Я очень гордился умением сдерживать себя, когда все вокруг бушевало и винили меня во всем. Киплинг остался бы мною доволен. На сей раз возникла проблема страховки, которую я не в силах был разрешить. Дело было в том, что одна из лошадей недавно при перевозке попала в автокатастрофу, получила небольшую травму, и ее хозяин потребовал от компании выплаты соответствующей суммы. Компания не хотела платить и не давала разрешения на то, чтобы лошадь покидала Францию. Я сказал, что лошадь продана, и осведомился, вправе ли страховая компания помешать продаже. Никто не мог ответить на этот вопрос, и начались бесконечные телефонные переговоры.

Я был очень недоволен – спорная лошадь находилась в одном из передних боксов, и если ее так и не выпустят, нам придется разбирать два задних бокса, выгружать лошадей и только после этого начать разборку ее бокса. Учитывая, что Билли и Джон к тому времени сильно накачались пивом, потрудиться мне предстояло крепко. Лошади стоили тысячи фунтов, конюхи и фургоны уже давно уехали. Кому мне было оставить их, чьей заботе поручить, если все-таки их отправка не состоится, удрученно размышлял я.

Первый пилот был страшно недоволен и заявил, что если мы в ближайшее время не вылетим, то нам придется заночевать во Франции. Либо мы вернемся в Кембридж к шести, либо

он вообще не полетит, так как его рабочее время заканчивается. Я передал эту информацию чиновникам, но получил в ответ лишь пожимание плечами. Первый пилот выругался и сказал, что до без двадцати пять он пьет кофе, а потом уезжает в Париж. Мне же придется нанимать другого пилота, поскольку он отработал максимум и по закону имеет право на двое суток отдыха.

Мрачно глядя в окно на осиротевший самолет с ценным грузом, я проклинал на чем свет стоит сложившуюся ситуацию. Если нам придется здесь ночевать, то я буду спать вместе с лошадьми. Появятся новые яркие впечатления, думал я с мрачным юмором. Поступайте в фирму Ярдмана, и вы объездите весь мир с полным дискомфортом!

Вскоре, однако, страховая компания сменила гнев на милость и разрешила вылет. Я схватил бумаги, рассыпаясь в благодарностях, кинулся за пилотом, потом за Билли. Он сидел за пенистой кружкой пива, причем далеко не первой.

– Найдите Джона, – коротко сказал я. – Через десять минут мы вылетаем.

– Сами найдите, – сказал он с насмешливым довольством в голосе. – Если, конечно, сможете.

– Где он?

– На пути в Париж. – Билли спокойно прихлебнул пива. – У него там какая-то шлюха. Сказал, что вернется завтра, пассажирским рейсом. Такие вот пироги!

С точки зрения дела отсутствие Джона мало что меняло, и мне было решительно все равно, готов он платить за обратную дорогу сам или нет. Вольному воля. Как и все мы, он был при паспорте. Мой уже помялся и обтрепался от постоянного пользования. Мы предъявляли паспорта в секции паспортного контроля для пассажиров. Предъявляли их мельком, как заурядные пропуска, а не важные документы, и, надо сказать, чиновники не чинили нам препятствий. Они спокойно относились к тем, кто был связан с авиакомпаниями. Один летчик рассказывал мне, что однажды забыл свой паспорт в гостинице в Мадриде и целых три недели без помех летал по всему свету, пока наконец не вернул себе этот документ.

– Через десять минут вылет, – спокойно напомнил я Билли. – Через пятнадцать вы полетите за свой счет.

Билли посмотрел на меня своими круглыми глазами, потом поднял кружку и вылил пиво мне под ноги. На полу образовалась желтая лужица с пеной по краям.

– Зря добро переводите, – заметил я. – Ну, вы летите или нет?

Он не пошевелился. Было бы наивно с моей стороны предполагать, что он кротко встанет и пойдет за мной. Но поскольку в мои намерения не входило устраивать с ним стычку, я повернулся и пошел к самолету. Как я и предполагал, вскоре появился Билли. Впрочем, чтобы подчеркнуть свою независимость, он сделал это в самый последний момент. Когда он поднялся в самолет, двигатель уже работал, и как только мы закрыли двери, машина начала выруливать на взлетную полосу.

Как обычно, во время взлета и посадки Билли стоял и держал головы двух лошадей. То же самое проделывал я с другой парой. Самолет был теперь полупустой, и я думал, что Билли постарается устроиться подальше от меня. Но одиннадцать часов существования без присмотра Ярдмана и выпитое в аэропорту пиво сделали свое дело. Экипаж был в кабине, а Джон в гостях у своей шлюхи.

Я был в полном распоряжении Билли. И Билли решил не упускать такого удобного случая.

Глава 4

– Такие, как ты, вообще не должны жить, – сказал он с очаровательной прямоотой. Ему пришлось, правда, сказать это очень громко из-за шума моторов.

Я сидел на брикете сена, прислонившись спиной к задней стенке салона, и глядел на него. Он стоял в трех шагах от меня, широко расставив ноги, чтобы не потерять равновесия.

– А такие, как ты, стало быть, соль земли? – осведомился я.

Он сделал шаг в мою сторону, и тут самолет угодил в воздушную яму. Машину тряхнуло, и Билли полетел на пол, упав на бок. Шипя от злости, словно это я сбил его с ног, он поднялся на колени и, приблизив свое лицо почти вплотную к моему, сказал:

– ... твою мать.

Вблизи я еще раз убедился, насколько он юн. Кожа у него была гладкая, как у ребенка, длинные густые ресницы окаймляли бледно-голубые пронзительные глаза. Русые волосы слегка завивались на затылке. Спереди он был подстрижен коротко, сзади длиннее. У него были мягкие полные губы, прямой нос. Удивительно бесполое лицо – слишком гладкое для мужчины, слишком грубое для женщины. В нем не было мощи, рождаемой мужским личностным накалом, но в то же время в его теле бушевала какая-то первобытная дикая сила. Достаточно было заглянуть ему в глаза, чтобы это почувствовать. Я ощутил какое-то странное леденящее шевеление в животе и в то же время понял, что расположения Билли добиться невозможно, сколько бы старания, теплоты и рассудительности я ни выказывал.

Он начал довольно кротко:

– Такие, как ты, – проорал он, – думают, что им принадлежит мир. Слюнтяи из чертова Итона.

Я промолчал. Он придвинул свое искаженное гримасой презрения лицо ближе:

– Думаешь небось, что ты что-то особенное, да? Ты и твои паршивые предки.

– Ничего в них особенного нет, – прокричал я ему в ухо.

– В ком?

– В моих паршивых предках.

У Билли отсутствовало чувство юмора.

Он никак не отреагировал на мои слова.

– Да и ты, кажется, родился не из желудка, – спокойно напомнил я. – У тебя предков столько же, сколько у меня.

Билли встал и отступил на шаг.

– Правильно, – сказал он. – Давай смейся над теми, кто ниже тебя.

Я тоже встал и, покачав головой, пошел проверить лошадей. Я терпеть не мог бессмысленных споров даже в спокойном тоне, а уж когда приходилось напрягать голосовые связки, и подавно. Все четыре наших пассажира спокойно стояли в боксах, пожевывая сено. Я похлопал их по шеем, удостоверился, что они в порядке, и уже подумывал, не пойти ли мне в кабину пилота, чтобы сменить общество на более дружеское, как тут опять возник Билли.

– Эй! – крикнул он, помахивая мне одной рукой и показывая другой в хвост самолета. – Погляди-ка, что там?

На лице его была тревога.

Я протиснулся между стеной самолета и боксом и оказался рядом с Билли. Как только я подошел к нему, тревога на его лице перешла в злобу.

– Ты только посмотри, – повторил он и ударил меня кулаком в живот.

За время весьма вялой академической карьеры в Итоне, если к чему-то я действительно и проявил талант, так это к боксу. Потом я перестал тренироваться, но за эти восемь лет все защитные рефлексy прекрасно сохранились. Неожиданный удар Билли не застал меня врас-

плох, я успел увернуться и потому лишил его шанса добить меня вторым ударом в челюсть или ребром ладони по затылку. Вместо этого он сам получил неплохой удар по ребрам. Он был удивлен, но это его не остановило. Скорее, наоборот, подхлестнуло. Он, похоже, даже обрадовался.

Самолет в воздухе – не самое удобное место для боксерских поединков. Пол нашего самолета был весь в тросах для крепления боксов и сидений, и потому оставалось только гадать, кто из нас первый споткнется о них и полетит на пол. Впрочем, гадать долго не пришлось. Уворачиваясь от руки, пытавшейся схватить меня за горло, я потерял равновесие и грохнулся навзничь. Билли упал на меня, ухмыляясь от злой радости, больно прижимая меня к креплениям на полу и впиваясь локтями в мои ребра. Мне было больно, а ему от этого приятно. Я попытался сделать так, чтобы Билли сам оказался внизу и попробовал, как сладко лежать на тросах. Но он отпрянул, как кошка, и, когда я поднимался, уже был готов ударить меня ногой. Удар пришелся мне по бедру, и я сделал ответный выпад, целя ему в голову. Он коротким движением парировал мой удар и заработал кулаком быстро, сильно и без соблюдения правил честного боя. Но улыбочка слетела с его физиономии, когда выяснилось, что он получает все обратно с процентами.

Внутренне благодарный Билли за то, что он не выхватил нож или велосипедную цепь, я хладнокровно отбивался, прекрасно сознавая, что даже победа в этом поединке мало что мне принесет. Если Билли проиграет тому, кого он презирает, это только усилит его ненависть.

В конце концов я победил, если тут вообще можно говорить о победе, да и то потому, что Билли до этого пил пиво, а я нет. Мне удалось ударить его изо всех сил в живот повыше пупка, отчего он отлетел к заднему боксу, рыгнул и осел на колени. Я ухватил его за запястья и завернул ему руку за спину.

– Ну а теперь, Билли, слушай меня внимательно, – сказал я, тяжело дыша. – Я не вижу смысла с тобой драться, но если ты меня опять вынудишь, пеняй на себя. Можешь забыть, что я сын графа. Принимай меня за того, кто я есть на самом деле. – Я дернул его руку вверх и добавил: – Не такой уж я маленький сынок, верно?

Он промолчал, потому что, возможно, боролся с тошнотой. Я тряхнул его, поставил на ноги, толкнул по направлению к сортиру в хвосте, отворил дверь и пихнул туда. Поскольку замок был изнутри, я не мог проконтролировать его там, но по звукам, доносившимся через открытую дверь, я понимал, что он пока торопиться с выходом не будет.

У меня самого ныло и ломило все тело – и от его ударов, и от контактов с разнообразными металлическими предметами, в том числе и на полу. Я обессиленно опустился на брикет и стал потирать ушибленные места. Потом вдруг понял: что-то явно не так.

На лице у меня не было никаких следов драки.

Я ударился головой о металлический брус бокса, и чуть выше уха у меня набухла шишка, что верно, то верно. Но теперь я отчетливо вспомнил, что Билли ни разу и не подумал ударить меня по лицу.

Удивительная расчетливость для человека, охваченного приступом неудержимой ярости! Обычно в таких случаях нападающий горит желанием «набить морду». Билли же как раз очень старался, чтобы этого не произошло. Я не мог взять в толк почему, хотя и думал об этом остаток пути до Кембриджа.

Мы приземлились уже в потемках. В салоне зажегся свет. Веселый таможенник вошел в самолет, огляделся и, удивленно подняв брови, осведомился, где мои помощники.

– Билли вон там, – кивнул я в сторону сортира, – а Джон задержался во Франции. Обещал вернуться завтра.

– Ясно, – сказал он, небрежно поглядев документы, и буркнул: – Порядок, – а потом добавил: – Что-нибудь покупали?

Я отрицательно покачал головой, он весело присвистнул, помог мне открыть двойные двери и, как только подкатали трап, стал спускаться.

Билли заперся в уборной и не собирался вылезать. Поэтому мне пришлось призвать на помощь водителей автофургонов, приехавших за лошадьми. Разгружать легче, чем погрузить, но тело у меня ныло от синяков, и я был просто счастлив, когда выгрузка закончилась. Водитель вывел последнюю лошадь, невзрачную гнедую кобылку, очень похожую на ту, которую мы сегодня доставили во Францию, хотя у этой была другая попона. Но это, разумеется, не могла быть опять та же лошадь. Кому нужно возить одну и ту же лошадь туда и обратно? Я отвернулся и стал складывать части боксов, со вздохом подумав, что Билли мог бы оказаться и не таким активным, и забыл о случившемся.

На следующий день я зашел в контору и пригласил Саймона на ланч в пивную. Мы устроились за стойкой, и он привычно сгорбился над своей кружкой, очень напоминая верблюда на водопое.

– Так-то лучше, – сказал он, когда в кружке пива сильно поубавилось. – Ну, как вчерашний перелет?

– Все в порядке.

Он задумчиво на меня посмотрел и спросил:

– Ты, часом, не падал с лошади в субботу?

– Нет, наоборот – выиграл, а что?

– Ты как-то скованно двигаешься.

– Ты бы поглядел на другого парня, – улыбнулся я в ответ.

Лицо Саймона расплылось в понимающей улыбке. Он усмехнулся:

– Я, кажется, уже поглядел. У Билли под глазом хороший фонарь.

– Ты его уже видел? – удивленно осведомился я.

– Да, – кивнул Саймон. – Он побывал у нас утром. Общался с Ярдманом.

– Излагал свою версию?

– А что случилось-то? – поинтересовался Саймон.

– Билли сам полез в драку, – ответил я, пожимая плечами. – Ему очень не нравится мое происхождение. Абсурд какой-то. Мы не выбираем себе родителей.

– Ты к этому слишком серьезно относишься, – заметил Саймон, заказывая еще кружку.

Я покачал головой в ответ на его приглашение повторить и сказал:

– А как бы ты себя чувствовал, если был бы вынужден сталкиваться с этим изо дня в день? Если бы к тебе относились как к негодяю, болвану или завидному жениху? – Я, конечно, преувеличивал, но не слишком.

– Последнее как раз не так уж плохо, – улыбнулся Саймон.

– Половина лондонских мамаш пытаются тебя заарканить, – мрачно продолжал я, – а твоя собственная их только поддерживает.

– Невелико горе! – отозвался Саймон, решительно отказывавшийся увидеть в этом нечто плохое.

– Им нужен не я, а мое имя. Титул. А остальные именно из-за этого титула и желают моей гибели.

– Ну, таких, как Билли, немного.

– А французы в конце восемнадцатого века? Или русские в тысяча девятьсот семнадцатом? Они как раз были такими же, как Билли.

– Англичане любят свою аристократию.

– Ничего подобного! Они, правда, не собираются ликвидировать ее как класс, но только потому, что из-за аристократов хроника светских скандалов получается еще пикантнее. Но они делают все, чтобы лишить аристократию малейшего влияния. Для них мы только курьез, анахронизм, старомодные болваны. Они убеждают в этом всех вокруг, чтобы обезвредить нас,

чтобы никто и не думал принимать нас всерьез. Взять хотя бы сегодняшнее отношение англичан к палате лордов. Да и тебе кажется смешным, что я устроился на эту вот работу, хотя ты не удивился бы, если бы мой отец был фермером, учителем или владельцем пивной. Но я живу в сегодняшней Англии, а не в туманном прошлом. Я не анахронизм. Я Генри Грей, родившийся точно так же, как и все остальные. Я появился в этом мире и хочу жить, как все люди. Я хочу жить нормальной, а не призрачной жизнью, жизнью бездельника, от которого требуется только одно: родить наследника, чего так жаждут мои родители.

– Когда получишь титул, можешь от него отречься, – спокойно сказал Саймон. Он заметил на стойке булавку и, машинально подобрав ее, воткнул себе в лацкан. За ним водилась такая странная привычка, из-за чего он был утыкан булавками, словно портной.

– Могу, но не отрекусь, – отозвался я. – Единственное, ради чего такое следовало бы сделать, это если ты хочешь баллотироваться в палату общин, но мне это ни к чему. Я не политик. Отречение из-за других причин – это капитуляция. Я хочу, чтобы окружающие поняли: граф такой же человек, как и все остальные, и имеет с ними равные права.

– Но если ты преуспеешь, то все будут говорить, что дело в титуле, а не в таланте, – заметил Саймон.

– Верно, но есть парочка принцев, несколько сыновей герцогов, и я... мы живем похожей жизнью. Я думаю, если мы не сдадимся, в конце концов к нам будут относиться как к личностям, а не как к носителям титулов. Еще пива хочешь?

– Очень хочу, – усмехнулся Саймон и добавил: – Первый раз слышу, чтобы ты так много говорил.

– Это все из-за Билли. Не обращай внимания.

– Это будет не так-то просто сделать.

– Знаешь, какая странная вещь случилась? Я весь в синяках, но на лице у меня ни царапинки.

Саймон подумал, отпил пива и сказал:

– Если бы он тебя разукрасил, у него вышли бы неприятности.

– Скорее всего.

– Ты не расскажешь об этом Ярдману?

– Нет.

– А почему?

Я пожал плечами и сказал:

– Может, потому, что он ждал чего-нибудь такого. Он отнесся очень иронически к моей просьбе дать мне работу. Он, похоже, догадывался, что рано или поздно я столкнусь с Билли. А вчера он не сомневался, что Билли мне задаст. Он даже по-своему меня предупредил.

– Что ты станешь делать?

– Ничего.

– А что, если еще раз полетишь вместе с Билли? Ведь такое вполне может случиться.

– Может. Но тут уж все зависит от него. Я ему сказал это открытым текстом. Я никому ничего не скажу, как не сказал вчера. Но спускаться ему такое не собираюсь. Ползет – получит сдачи. И уж из-за него я с работы не уйду.

– А на вид ты такой тихий и кроткий. – Саймон криво улыбнулся, уставясь опять в опустевшую кружку. – Похоже, – добавил он меланхолично, почти печально, – что кое-кто в фирме Ярдмана на твой счет сильно ошибся, Генри.

Я пытался заставить его объяснить, что он имел в виду, но из этого ничего не вышло.

До четверга поездок не было, и в среду я отправился на скачки. Мне предложили выступить в скачках молодых лошадей, и на сей раз отказ мне стоил особых усилий.

– Не могу, – сказал я, сделав все, чтобы мой отказ не был сочтен за грубость. – Я имел право участвовать в пятидесяти профессиональных скачках за сезон, а мне еще предстоит

выступать в призах в Челтенхеме и Уитбреде. Если я буду выступать сейчас, то тогда придется отказаться от больших призов. Но все равно спасибо за приглашение.

Мой собеседник понимающе кивнул и поспешил на поиски кого-то еще. С немалым неудовольствием я наблюдал через два часа, как его лошадь оторвано выиграла скачку. Зато в виде утешения меня вскоре остановил грузный человек с проницательным лицом. Мы были знакомы весьма отдаленно, и я лишь знал, что это отец одного из весьма неплохих жокеев-любителей. Отец и сын владели полудюжиной скаковых лошадей, которых они заявляли только в любительских скачках, добиваясь неприлично высоких результатов. Но в тот день мистер Текери, крупный фермер из Шропшира, выказывал признаки нерешительности и беспокойства.

– Послушайте, – начал он, беря быка за рога. – Я человек прямой. А потому спрашиваю: что бы вы сказали, если бы я предложил вам выступать на всех моих лошадях до конца сезона?

Я был очень удивлен и забормотал:

– Я, конечно, с удовольствием... Но что с Джулианом? Он не расшибся?

Мистер Текери покачал головой:

– Падать он не падал, но у него желтуха. И в сильной форме. Бедняга выбыл на несколько месяцев. У нас в этом году отличные лошади, и Джулиан не хочет, чтобы они из-за него простаивали без дела. Он и предложил вас.

– Очень любезно с его стороны, – отозвался я. – Я с удовольствием. Когда буду свободен.

– Вот и отлично. – Поколебавшись, он продолжил: – И еще один вопрос. Джулиан просил передать вам – как насчет десяти процентов от стоимости приза?

– Спасибо, – сказал я. – Десять процентов меня устраивают.

Текери улыбнулся. По его тяжелому лицу побежали морщинки, отчего он помолодел лет на десять.

– Честно говоря, это Джулиан настоял, – признался он. – Он сказал: Генри парень что надо, и я вижу, он прав. Джулиан сказал: Генри не пьет. Генри не треплет языком, делает свое дело хорошо и рассчитывает, что ему за это заплатят. Генри – профессионал в душе. Кстати, мне надо оплачивать ваши расходы?

– Нет, – сказал я. – Десять процентов призовых сумм будет достаточно.

– Отлично. – Он протянул мне руку, и я ее пожал.

– Жаль, что Джулиан подхватил желтуху, – сказал я.

Мистер Текери скривил губы:

– Джулиан сказал, что если вы выразите такое сожаление, согласившись на наше предложение, то проявите искренность.

– Тонкая мысль, – отозвался я. – Тогда передайте ему вот что. Пусть поскорее встает с постели, садится в седло и получает рецидив.

На следующий день я вылетел в Нью-Йорк.

Вместе с Билли.

В наших отношениях был такой же мороз, какой стоял за окном авиалайнера. Ярдман, подумал я, не проявил рассудительности, отправив нас вдвоем в двухдневную командировку.

Холодный взгляд больших голубых глаз Билли портил синяк от моих ударов. Билли явно держался осторожнее, чем во время командировки во Францию. На сей раз он оставил примитивные подначки, но всякий раз, обращаясь ко мне, заканчивал фразу словами «лорд Грей», что звучало в его устах как оскорбление.

На сей раз он не бросился на меня с кулаками, но, когда я прикрепил трос, он уронил мне на руку железный брус. Я злобно посмотрел вверх, сжимая левой рукой ушибленные четыре пальца правой руки, и натолкнулся на его взгляд. Он смотрел на меня с вызовом и насмешливым любопытством, пытаясь понять, как я на этоотреагирую.

Если бы кто-то другой уронил брус, я мог бы отнести это за счет случайности, но, поскольку это сделал Билли, причем не уронил, а с силой бросил, я не сомневался, что ни о какой случайности речи быть не может. Но поездка только начиналась, да и груз был слишком ценным, чтобы рисковать им из-за личных амбиций, на что, похоже, Билли и рассчитывал.

Когда он увидел, что я не собираюсь предпринимать ответных шагов, по крайней мере сейчас, он довольно кивнул и с холодной улыбкой стал прилаживать брус на место.

Погрузка закончилась, и самолет взлетел. На пальцах чуть ниже ногтей проступили красные полосы, и боль давала о себе знать до самой Америки.

В этот раз мы везли сразу двенадцать лошадей, и, кроме нас с Билли, летели глухой конюх от Ярдмана и человек, сопровождавший одну определенную лошадь. Владельцы иногда посылали с трудными или особенно ценными лошадьми своих конюхов, и Тимми и Конкер объяснили мне, что таких помощников можно только приветствовать.

Эта лошадь путешествовала из Норвегии. Проведя ночь в Англии, она снова отправилась в путь. Конечным пунктом была Виргиния. Новый владелец оплатил дорогу норвежскому конюху, с тем чтобы с его приобретением ничего не случилось. Покупка явно не стоила такой опеки, размышлял я, поглядывая на лошадь и проверяя ее соседку. Вялая кобыла со слабой шеей, с мохнатыми щетками, что заставляло заподозрить среди ее предков упряжных лошадей, да и угловатые подколенки никак не указывали на резвость.

Норвежские лошади давно утратили славу лихих скакунов, хотя скачки как спорт изобрели викинги. Они расставляли всевозможные ценные предметы на разных расстояниях от места старта. Затем лошади выстраивались в ряд, и скачка начиналась. Чем дальше находился предмет от старта, тем выше была его ценность, и потому каждый наездник мог заранее решить, на что способен его скакун, что в нем преобладало: резвость или выносливость. Ошибка в расчете означала, что наездник останется вообще без приза. В Норвегии тысячу двести лет назад быстрая, выносливая лошадь стоила целое состояние в самом прямом смысле. Но длинноногие гладкошерстные потомки тех косматых пони не очень котировались в сегодняшнем чистокровном коневодстве.

Похоже, размышлял я, американец заплатил за долгое путешествие такого невзрачного коня исключительно из сентиментальных соображений.

Я спросил у пожилого норвежского конюха, все ли в порядке, и тот ответил на ломаном английском, что он вполне доволен. Он остался сидеть на брикете сена, безучастно глядя перед собой, а я стал обходить лошадей.

Лошади мирно жевали и не подозревали, что несутся в вышине со скоростью шестьсот миль в час. Ощущение скорости пропадает, если за окном ничего не мелькает.

Без приключений мы совершили посадку в аэропорту Кеннеди, где в самолет поднялся жующий резинку таможенный чиновник с тремя помощниками. Говорил он медленно, через слово вставляя «э-э», но документы и лошадей осмотрел очень придирчиво. Наконец мы могли начать разгрузку. Прежде чем ступить на американскую землю, все лошади должны были пройти через площадку с дезинфицирующим средством, и пока я проводил через нее лошадей, то услышал, как таможенник спросил у норвежца, есть ли у него разрешение на работу, на что тот ответил, что едет не работать, а отдохнуть две недели благодаря любезности нового владельца. Я и сам оказался в Америке впервые и очень позавидовал норвежцу с его двухнедельными каникулами. Из-за пятичасовой разницы во времени сейчас было шесть часов по местному времени, а поскольку мы отправлялись назад в шесть утра, то у меня оставалось на Нью-Йорк девять часов. И хотя организм мой уже был готов отключиться, я не собирался тратить эти часы на сон.

Единственно неприятным было то, что мне не хотелось начинать новый рабочий день со слипающимися глазами. Билли зевал не меньше моего, сооружая очередной бокс, и только пожилой Альф успел отдохнуть. Поскольку он почти ничего не слышал, даже если кричать

ему в ухо, то мы трудились в полном молчании, словно роботы, погрузившись каждый в свои мысли, далекие друг от друга, как полюса магнитов. Одинаковые полюса отталкиваются, разные притягиваются. Мы с Билли были два холодных Северных полюса. Обрато мы возвращались с полным грузом, как это было заведено у Ярдмана. Он не любил порожних рейсов, особенно межконтинентальных. Поэтому он не ленился обзванивать клиентов, чтобы обеспечить полную загрузку. Владельцев это устраивало – в таком случае Ярдман предоставлял им скидку. Тимми и Конкер не одобряли этой практики, и теперь я понял почему. Человеческий организм не любит фокусов со временем. Но где-то над Атлантикой мою сонливость и усталость как рукой сняло. Я впервые столкнулся с лошадьо, разбушевавшейся в полете.

Старый Альф потряс меня за плечо, и, увидев в его глазах испуг, я мигом вскочил на ноги и поспешил туда, куда он показывал, – в переднюю часть салона.

Во втором от начала боксе увесистый трехлетний жеребец разломал свой хомут и теперь стоял в деревянной клетке, не сдерживаемый ничем. Его передние ноги были связаны, но он методично бил задними. Он был весь в мыле и время от времени тревожно ржал. Его соседи, прижавшись к краю бокса, пугливо закатывали глаза, стараясь не попасть под копыта буяна.

Тот же методично, как тараном, бил задними копытами в стенку бокса. Доски дрожали, дребезжали и начали трескаться. Еще несколько ударов – и все сооружение рухнет.

Рядом со мной возник второй пилот. Нервно теребя меня за рукав, он прокричал:

– Капитан говорит, что не может вести самолет, когда лошадь так прыгает. Он говорит, что надо заставить ее стоять спокойно, иначе нарушается баланс.

– А как ее заставишь?

– Это ваша проблема, – сказал он. – И бога ради, сделайте что-нибудь поскорее.

Задняя часть бокса была уже поломана. Цепи, правда, удерживали ее части на месте, но через минуту-другую все может развалиться. Тогда мы окажемся один на один с обезумевшим животным, и стоит ему заехать копытом в иллюминатор, герметизация нарушится и нам всем настанет конец.

– У вас на борту есть шприц и лекарство для усыпления?

– Нет. Обычно мы выполняем пассажирские рейсы. Почему вы не захватили?

Не было инструкций, предусматривавших наличие всего этого при перевозках животных. Это было, конечно, упущением, но рассуждать об этом было поздно.

– У нас есть в аптечке транквилизаторы, – сказал второй пилот, но я только покачал головой.

– Не пойдет. Они непредсказуемы. Могут успокоить, а могут, наоборот, возбудить, – сказал я и подумал, что, возможно, жеребец взбесился как раз от неправильной дозы. С лошадьми часто получается наоборот, к тому же просто невозможно сделать инъекцию из обычного шприца взбесившейся лошади.

– Принесите тогда нож, – сказал я. – Или что-нибудь длинное и острое. И поскорее.

Второй пилот повернулся и, спотыкаясь, побежал по проходу. Между тем жеребец начисто выломал заднюю стенку. Затем он развернулся, просунул голову между двух брусьев, пытаясь высвободиться. В его глазах была паника.

Билли вытащил из-за пазухи револьвер и стал целиться дрожащей рукой в голову жеребца.

– Не валяйте дурака, – крикнул я. – Мы на высоте тридцать тысяч футов.

В этот момент появился второй пилот с хлебным ножом-пилкой в руках. Увидев револьвер, он чуть не упал в обморок.

– Н-не н-надо, – пробормотал он. – Н-не н-надо.

Зрачки Билли расширились. Он не видел и не слышал ничего. Он впился взором в жеребца, готовый пустить в ход оружие, которое убьет всех нас.

Жеребец выбил чеку, скреплявшую брусья и, протиснувшись между ними, выскочил на свободу, словно поток, прорвавший плотину. Я сделал шаг вперед и ударил его ножом туда, где голова переходила в шею. Каким-то чудом я угодил в сонную артерию, но сам не успел отбежать.

Жеребец обрушился на меня, закатывая глаза, обливаясь кровью и тщетно пытаюсь встать на ноги. Его грива забивалась мне в рот, лезла в глаза, а его тяжесть придавила к полу. Вздымающиеся бока жеребца словно делали мне искусственное дыхание, как в каком-то кошмарном сне. Он никак не мог подняться, постепенно его судороги ослабли, и он затих.

Тогда подошел второй пилот, схватил меня под мышки и выволок из-под жеребца. Кровь продолжала хлестать из его раны, растекаясь алыми ручейками по доскам пола. Альф распрошшил один из брикетов сена и стал забрасывать лужи. Сено тотчас же превратилось в бурю промокшую массу. Я не знал, сколько пинт крови в жеребце, но из этого, похоже, она вышла вся до капли.

Моя одежда намочила, от сладковатого запаха крови стала подступать тошнота. Шатаюсь, я проследовал в уборную, сорвал с себя все, что на мне было, и стал отмываться. Я безудержно дрожал. Кто-то бесцеремонно распахнул дверь. Это был второй пилот. Он протянул мне брюки и свитер. Похоже, они были из его гардероба.

– Подарок фирмы, – сказал он.

Я кивнул в знак благодарности, оделся и пошел назад, успокаивая по пути прочих наших четвероногих пассажиров.

Второй пилот тем временем препирался с Билли насчет револьвера. Билли утверждал, что пуля не пробьет металлическую стенку. Пилот ругался и кричал, что нельзя так рисковать: мол, мог быть рикошет в стекла иллюминаторов. Меня же интересовало другое: почему Билли носит при себе заряженный револьвер так, словно это обычный бумажник?

Глава 5

Когда я вернулся домой, то рухнул в кровать и заснул как убитый. Утром я проснулся и еле успел в Кремптон, где проводились скачки любителей. Я подумал, что достойным завершением этой недели будет падение с той дохлятины, на которой я опрометчиво согласился выступить. И хотя я неверно рассчитал момент, когда мой жеребенок прыгал через последнюю канаву, я не слетел исключительно потому, что присосался к жеребцу, словно пиявка: уж очень не хотелось грохнуть на землю.

И хотя я удержался в седле, мой скакун, и без того не имевший особых шансов, вовсе потерял интерес к скачке. Я трусцой подъехал на нем к его склочному хозяину, который решил, что победа упущена из-за меня, о чем и не преминул сообщить. Поскольку он превосходил моего отца на несколько земляничных листьев², то считал, что имеет право свободно излить свою желчь. Я слушал, как он выражает сомнения в моей способности проехать и в телеге, и думал, как же он обращается с жокеями-профессионалами.

Отец Джулиана Текери, проходивший мимо, услышал обрывки его монолога, и на лице его выразилось крайнее удивление. Когда я вышел из комнаты для взвешивания, он подошел ко мне со списком лошадей, которых собирался заявить на скачки, и мы отправились обсуждать его в бар. Текери купил мне лимонад, мы сели за дальний столик, и он разложил на нем бумаги. Я понял, что постоянные успехи его лошадей были не случайны: он был очень толковым специалистом.

– Почему вы не хотите стать тренером-профессионалом? – спросил я.

– Слишком хлопотно, – улыбнулся он в ответ. – Так, если я ошибаюсь, то это мое личное дело. Не надо перед кем-то извиняться, обещать исправиться, не надо бояться, что владельцы могут взять и в одночасье забрать своих лошадей, не надо беспокоиться, что они месяцами не платят мне жалованье.

– Вы знаете все подводные камни, – сухо заметил я.

– Тренерская работа не приносит прибыли, – отозвался Текери. – Я обычно не несу убытков, иногда что-то зарабатываю. Но учтите, у меня еще есть ферма. Большая часть накладных расходов увязывается с доходами по ферме. Ума не приложу, как тренеры сводят концы с концами. Либо у них должен быть солидный начальный капитал, либо ферма, как у меня, либо они играют в тотализатор, иначе они ничего не заработают.

– И все же они не меняют профессию, – кротко заметил я. – И разъезжают в больших шикарных машинах. Стало быть, дела у них идут не так скверно.

Мой собеседник покачал головой и допил виски.

– Они хорошие актеры. Умеют прикидываться веселыми, беззаботными и преуспевающими, а у порога их караулят кредиторы. Ну да ладно, – сказал Текери, сложил бумаги и сунул их в карман. – Как вы думаете, вам удастся взять в следующий четверг выходной и поехать в Стратфорд?

– Думаю, что да.

– Отлично. Там, значит, и встретимся.

Мы встали. Кто-то оставил на соседнем столике «Ивнинг стандарт», и я взглянул на газету мимоходом. Затем я остановился и подошел поглядеть повнимательнее. «Гибель потенциального дербиста» – гласил заголовок внизу на первой странице. В ней коротко сообщалось о том, что жеребец Борнео, записанный в дерби, погиб во время перелета из Соединенных Штатов, и тем самым все пари, связанные с его участием, отменяются.

² Имеется в виду герб герцога в виде земляничных листьев на герцогской короне.

Я улыбнулся про себя. Судя по отсутствию ярких подробностей и эмоциональных эпитетов, к публикации имел отношение скорее тренер, ожидавший Борнео, чем журналисты, учувшие сенсацию. Ни один журналист, который видел или хотя бы слышал о мясорубке в самолете, не изложил бы факты столь сухо. Но останки жеребца быстро убрали, я сам помог вымыть салон, и любоваться было теперь уже нечем. Борнео был отлично застрахован, ветврач подписал акт о том, что ликвидация жеребца была продиктована необходимостью, мое имя было написано с ошибкой – Грэй, – и оставалось надеяться, что везение, а также умение Ярдмана выходить из подобных ситуаций позволят быстро исчерпать инцидент.

– Дорогой мой, – поспешно сказал мне он, когда его позвали в аэропорт, – нам вовсе ни к чему, чтобы лошади теряли голову, когда мы их перевозим, и потому вряд ли стоит трубить об этом происшествии во все трубы.

– Ни к чему, – согласился я, больше имея в виду мое собственное спокойствие, нежели репутацию его фирмы.

– М-да, печальный инцидент, – сказал Ярдман, пожал плечами и вздохнул с явным облегчением.

– Нам следует иметь при себе шприц...

– Да, а я об этом позабочусь.

Я тебе об этом напомним, думал я, стоя в уютном баре ипподрома Кремптона и ощущая на себе тяжесть тела умирающего жеребца. Мне казалось, я снова в крови Борнео. За двадцать четыре часа эти воспоминания еще не успели стереться из сознания, но я взял себя в руки, выбросил все из головы и пошел с отцом Джулиана смотреть скачку, в которой красиво победил один из наших конкурентов.

В субботу вечером я выказал максимум учтивости к очередной маминной юной гостье, хотя и проявил немало ухищрений, чтобы не остаться с ней один на один. В воскресенье же на рассвете я взял курс на север, в Линкольншир.

Когда я приехал в Фенландский аэроклуб, Том Уэллс стоял на площадке перед ангаром и лично проверял свои машины. Накануне утром он мне позвонил и сообщил, что я должен доставить в Глазго трех бизнесменов, где они собираются играть в гольф. Я должен был лететь на «аэтке» и выполнять все пожелания клиентов. Это были солидные клиенты, и Том не хотел их потерять.

– Привет, Гарри, – сказал он, когда я к нему подошел. – Я даю тебе «квебек-браво». Ты наметил маршрут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.